РОЗЫСКАНІЕ
О УБІЕНІИ ЕВРЕЯМИ ХРИСТІАНСКИХЪ МЛАДЕНЦЕВЪ И УПОТРЕБЛЕНІИ КРОВИ ИХЪ.

Напечатано по приказанію
Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.
В. А. Перовскій.

1844.

Вступленіе.

У всѣхъ народовъ, гдѣ только проживаютъ Евреи, существуетъ с незапамятныхъ временъ повѣрье или преданіе, что Жиды умерщвляютъ мученически христіанскихъ младенцевъ, нуждаясь для какихъ–то таинственныхъ обрядовъ въ невинной Христіанской крови. Только въ новѣйшее время чувства человѣчества до того стали возмущаться противу подобнаго обвиненія, что въ

Европѣ начали рѣшительно отвергать его, какъ безсмысленную сказку и клевету. Обвиненіе конечно ужасное, но между тѣмъ не безпримѣрное въ лѣтописяхъ религіознаго изувѣрства: не только Индійскіе идолопоклонники подвергаютъ сами себя и другихъ ужаснымъ мученіямъ, въ чаяніи будущихъ благъ, — и не только между ними есть секты постоянно занимающіяся убійствомъ, для спасенія души, — но и въ Европѣ, между Христіанами, возникала секта Асасиновъ, воздвигались въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ инквизиціонные костры, и въ самой Россіи появились въ прошедшемъ столѣтіи самосожигатели, тюкальщики и сократильщики: первые сожигались сами, цѣлыми деревнями; вторые другъ–друга, — тѣ и другіе для спасенія души.

Не одинъ только гласъ народа обвиняетъ Евреевъ въ такомъ ужасномъ дѣлѣ; они многократно обвинялись въ томъ передъ судомъ. Большею частію собственнаго ихъ признанія не было, не смотря ни на какія улики; но были и такіе примѣры, гдѣ Жиды были изобличены и

сами сознались. Одинъ подобный случай былъ бы, повидимому, достаточенъ для того, чтобы признать дѣйствительное существованіе такого злодѣйскаго изувѣрства; но заступники Евреевъ говорятъ: признаніе было вынуждено пыткой и потому ничего не доказываетъ. Допустивъ однакоже и это оправданіе, и все то, что когда либо было говорено и писано по сему поводу въ пользу Жидовъ, все еще останется одно обстоятельство, на которое никогда не было обращено надлежащаго вниманія, и которое не только остается неразъясненнымъ, но даже почти получаетъ качество и степень полной улики; а именно: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отъ времени до времени находимы были трупы безъ вѣсти пропавшихъ младенцевъ, въ такомъ искаженномъ видѣ и съ такими признаками наружныхъ насилій, кои вполнѣ согласуются съ образомъ мученической смерти и того рода убійства, въ коемъ обвиняются Евреи; во вторыхъ, происшествія эти были исключительно въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ живутъ Евреи; — спрашивается за тѣмъ, какомуже

обстоятельству приписать возобновляющіеся по временамъ случаи мученической смерти младенца, разсудительно и осторожно замученнаго до смерти, — если обвиненіе несправедливо? Какую можно придумать причину или поводъ для такого злодѣйскаго истязанія ребенка, если это не изувѣрство? Наружные признаки трупа показывали каждый разъ положительно, что смерть ни какъ не могла быть случайная, а умышленная; и притомъ обдуманная и продолжительная: все тѣло истыкано или исколото, иногда клочки кожи вырѣзаны, языкъ и дѣтородныя части отрѣзаны, или сдѣлано, у мальчиковъ, Еврейское обрѣзаніе; иногда нѣкоторые члены отрѣзаны, или ладони проколоты насквозь, не рѣдко знаки и синяки отъ тугихъ повязокъ, наложенныхъ и опять снятыхъ; вся кожа въ ссадинахъ, будто обозжена или сильно терта; наконецъ трупъ даже обмытъ, на немъ нѣтъ крови равно какъ и на бѣльѣ и на платьѣ, которое было снято на время убійства и послѣ, опять надѣто. Чѣмъ ребенокъ или родители его, могутъ подать

поводъ къ такому злодѣйству? Безъ цѣли это не могло быть сдѣлано нигдѣ и никогда, а тѣмъ менѣе еще повторяться въ разныхъ мѣстахъ почти одинаково. Простой убійца во всякомъ случаѣ удовольствовался бы однимъ убійствомъ и какая–то таинственная, важная въ глазахъ преступниковъ, цѣль не можетъ быть здѣсь отринута.

Слабое неудовлетворительное розысканіе слѣдователей, разныя ухищренія и уловки Жидовъ, наглое и упорное запирательство ихъ, не рѣдко подкупъ, увѣренность большей части образованныхъ людей, что обвиненіе есть гнусная клевета и наконецъ человѣколюбіе Уголовныхъ Законовъ нашихъ не только спасали Евреевъ доселѣ каждый разъ отъ заслуженной казни, но они, происками своими и клятвенными увѣреніями въ невинности и въ совершенной несправедливости возводимой на нихъ клеветы, всегда почти успѣвали обвинять уличителей своихъ, кои были наказываемы за нихъ, и успѣли исходатайствовать въ 1817 году ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе (отъ

28–го Февраля, объявленное 6 Марта), коимъ запрещено было даже подозрѣвать Жидовъ въ подобномъ преступленіи, а мнѣніе, будто Жиды нуждаются въ крови Христіанской, названо предразсудкомъ. Между–тѣмъ, разсмотрѣніе нѣкоторыхъ мѣстъ тайнаго ученія Талмудистовъ обнаруживаетъ сбыточность сего изувѣрства, а безпристрастный взглядъ на самыя дѣлопроизводства, бывшія въ подобныхъ случаяхъ, убѣждаетъ несомнѣнно въ истинѣ дѣйствительности ихъ.

Талмудъ.

Хотя Евреи, съ давнихъ временъ уже, Талмудъ свой ставятъ несравненно выше Ветхаго Завѣта, не менѣе того, они умѣли исказить самымъ нелѣпымъ образомъ смыслъ одного стиха Св. Писанія и основать на немъ чудовищный обрядъ, о коемъ здѣсь говорится. Пророкъ Валаамъ, призванный для проклятія Еврейскаго народа, отказывается отъ этого и воздаетъ ему напротивъ вдохновенную похвалу, употребляя нѣсколько иносказаній. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Се люди яко

левичища возстануть и яко левъ вознесется (Іаковъ): не уснетъ, дондеже снѣстъ ловъ и кровь посѣченныхъ испіетъ (Книга Числъ, глава 23)». Вотъ, какъ говорятъ, источникъ безчеловѣчнаго обряда. Толковники приняли это иносказаніе въ прямомъ смыслѣ и объясняютъ, что кровью врага — а Христіанина Евреи считаютъ первымъ врагомъ своимъ — должно насыщаться.

Талмудъ, составленный изъ разныхъ преданій и дополненій въ первые вѣка Христіанства, дышетъ такою злобою противъ всѣхъ иновѣрцевъ, и въ особенности противу Христіанъ, что нѣтъ злодѣйства, котораго бы онъ относительно ихъ не допускалъ. Написанный едва объяснимою смѣсью Еврейскаго, Халдейскаго, Сирійскаго, Партскаго, Греческаго, Латинскаго и другихъ языковъ, Вавилонскій Талмудъ*, оконченный въ

* Евреи вѣрятъ въ законъ письменный и словесный; первый есть *Тора*, Ветхій Завѣтъ, второй *Талмудъ*. Сей послѣдній раздѣляется на *Іерусалимскій*, оконченный уже во II вѣкѣ и составляющій небольшую книгу, — и на *Вавилонскій*, или собственно *Талмудъ*, который оконченъ Раввинами и принятъ соборами Евреевъ въ V вѣкѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, *Мишна* и *Гемарра;* первая составляетъ текстъ, до того темный, что онъ вовсе непонятенъ безъ объясненій; вторая состоитъ собственно изъ сихъ объясненій, коимъ дано совершенно произвольное и въ высшей степени безумное, безразсудное и чудовищное значеніе. Одного примѣра довольно, чтобы показать духъ и направленіе Гемарры. Въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: «чтобы человѣкъ сохранялъ Заповѣди Мои и жилъ съ ними» (Моисея кн. 3, гл. 18, ст. 5; Езекіиля, гл. 20, ст. 11). Талмудъ толкуетъ это такъ: «дабы жилъ человѣкъ съ заповѣдями Моими,

V столѣтіи, состоитъ изъ 36 томовъ въ листъ и содержитъ неимовѣрно безсмысленное, безобразное и безнравственное сплетеніе сумазбродныхъ исчадій фанатизма. Посему языкъ Талмуда нельзя назвать собственно Еврейскимъ; это особый Талмудическій языкъ, самый трудный изъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языковъ, не исключая даже Китайскаго. — Талмудъ не только написанъ мистически, таинственно и неудобопонятно для непосвященныхъ, — онъ даже и вообще по сію пору остался недоступнымъ для насъ, потому что не переведенъ, кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, ни на одинъ языкъ. Но этого мало: въ печатныхъ Талмудахъ на Еврейскомъ языкѣ сдѣланы пропуски, означенные иногда пробѣлами, скобками, или словомъ: ведалъ, т. е. догадывайся, доискивайся смысла. Венеціанское изданіе Талмуда 1520 года, какъ говорятъ, полно и содержитъ много, хотя и темныхъ, но явно къ сему предмету относящихся, мѣстъ; впослѣдствіи Евреи остерегались и пополняли пропуски записками или

а не дабы умеръ за нихъ, почему и дозволяется, въ случаѣ нужды, нарушать сіи заповѣди.» (Талмудъ, кн. Аведозоры, разд. 4, листъ 55).

словеснымъ ученіемъ. Въ Еврейской книгѣ Сейдеръ–Годайдойсъ объяснены и причины этихъ пропусковъ: тамъ сказано, что частый переходъ Евреевъ къ Христіанству, въ теченіе первыхъ вѣковъ его, заставилъ Раввинновъ принять и включить въ Талмудъ особенно строгія и жестокія мѣры противу Назарянъ; постановленія эти обратили однако на себя въ IX вѣкѣ вниманіе Правительствъ, послѣдовало гоненіе Евреевъ почти во всей Европѣ, почему мѣста эти и были частію исключены изъ Талмуда, а частію отнесены не къ Христіанамъ (Гой), а къ идолопоклонникамъ (Акумъ), хотя Евреи въ этомъ отношеніи не дѣлаютъ никакого различія и подразумѣваютъ и тутъ, и тамъ, даже преимущественно, Христіанъ. Во времена Папы Григорія дѣйствительно гоненія на Евреевъ сдѣлались общими почти во всей Европѣ, и поводомъ къ этому были неистовства и злодѣйства ихъ противу Христіанъ, хотя нашъ человѣколюбивый вѣкъ и приписываетъ гоненія сіи большею частію одному только изувѣрству и нетерпимости католицизма. Раввины

принуждены были защищать гласно раскрытыя тайны и, не смотря на огромныя суммы, употребленныя ими для подкуповъ, они принуждены были исключить изъ книгъ своихъ все, что относилось ко вреду и поруганію Христіанъ. Полные Талмуды, безъ пробѣловъ, искали убѣжища въ Польскихъ владѣніяхъ, гдѣ Жиды вообще жили свободнѣе и надзоръ за ними былъ слабѣе. Сюда же скрылись и болѣе изувѣрные, упорные Жиды, и въ сихъ краяхъ гнѣздятся они еще понынѣ, тогда какъ просвѣщеніе и надзоръ значительно измѣнили прочихъ Европейскихъ Жидовъ и смягчили ихъ нравы. Независимо отъ этого, есть множество толковыхъ книгъ Раввинскихъ, какъ говорятъ до 50 т., содержимыхъ въ большой тайнѣ, и существуютъ между Раввинами особыя, такъ называемыя, кабалистическія науки, служащія для объясненія, по произволу, темныхъ мѣстъ Талмуда. Вотъ почему Талмудъ недоступенъ даже ученымъ Филологамъ нашимъ, коихъ свидѣтельства о томъ, что есть и чего нѣтъ въ немъ, вовсе не надежны. Есть наконецъ у Евреевъ и

словесныя преданія и ученіе, сохраняемыя въ тайнѣ, но обнаруживаемыя изрѣдка обратившимися Евреями. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, бывшій Раввинъ, Монахъ Неофитъ, написавшій въ 1803 г. на молдаванскомъ языкѣ книгу: Опровerженіе Еврейской вѣры; Жиды, какъ говорятъ, склонили Господаря Молдавіи, за большія деньги, уничтожить книгу эту; не смотря на то однакоже переводъ ея на новогреческомъ языкѣ появился въ Яссахъ же въ печати въ 1818 году. Тутъ говорится между прочимъ «о крови, похищаемой Жидами отъ Христіанъ, и о употребленіи ея;» описавъ всѣ подробности этого чудовищнаго обряда, Монахъ Неофитъ заключаетъ такъ: «Когда я достигъ 13–тилѣтняго возраста (совершеннолѣтіе у Жидовъ), то отецъ открылъ мнѣ таинство крови, угрожая страшными проклятіями, если я кому нибудь, даже братьямъ моимъ обнаружу эту тайну; если же у меня будутъ со временемъ дѣти, то я могъ открыть то, что узналъ, только одному изъ нихъ, самому надежному, умному и болѣе твердому въ

вѣрѣ своей. Я былъ, и теперь нахожусь, въ великой опасности за открытіе сей тайны; но, познавъ истинную вѣру и обратившись къ Спасителю моему, на Него полагаю мою надежду.» Неофитъ объясняетъ слѣдующее:

«Объ этомъ обрядѣ писано въ книгахъ не ясно, а только загадочно; тайна извѣстна не всѣмъ, а только Раввинамъ, Хакамамъ и Фарисеямъ, кои называются у нихъ Хасидымъ*. Сіи изувѣры Еврейскіе полагаютъ, во 1–хъ, что убивая Христіанина, дѣлаютъ угодное Богу; во 2–хъ, они употребляютъ кровь для чаръ, по суевѣрнымъ обрядамъ. Для сего, въ день свадьбы, Раввинъ подаетъ новобрачнымъ печеное яйцо, посыпанное, вместо соли, золою изъ куска полотна, обмоченнаго въ крови Христіанскаго мученика. Обстоятельство это чрезвычайно замѣчательно, — потому что въ слѣдственныхъ дѣлахъ, по подозрѣнію Евреевъ въ убійствѣ, обнаруживалось именно, что они мочили холстъ въ крови и дѣлили его между собою на лоскутья.

* По Велижскому дѣлу 1823 года, открыто, что посягнувшіе на сей чудовищный обрядъ Евреи были также *Хасиды*.

Молодые ѣдятъ яйцо, — продолжаетъ Неофитъ: а Раввинъ читаетъ молитву, въ которой желаетъ имъ обманывать Христіанъ и питаться трудами ихъ. Евреи, изувѣры, употребляютъ также кровь убитаго Христіанина при обрѣзаніи, пуская въ чашу съ виномъ каплю крови отъ обрѣзаннаго ребенка и другую каплю отъ Христіанскаго младенца.» И это свѣдѣніе не менѣе замѣчательно, потому, что повторяется въ разныхъ другихъ показаніяхъ, какъ изложено ниже, а равно обнаруживается и по случаю уголовныхъ по сему предмету дѣлъ; такъ, по Велижскому дѣлу солдатка Максимова, показала, что кровь нужна была Евреямъ, по ихъ словамъ, для Еврейки–роженицы; подробное показаніе сдѣлала и Фекла Селезнева, по другому, Минскому дѣлу, въ 1833 году.

Неофитъ говоритъ еще, что Евреи, когда ѣдятъ на Пасху опрѣсноки свои, изрыгая всѣ возможныя хулы на Христіанъ, пекутъ одинъ опрѣснокъ особо, посыпая его золою съ Христіанскою кровью; собственно этотъ опрѣснокъ называется Ефикоимонъ. И это обстоятельство подтверждается слѣдствіями

по подобнымъ дѣламъ, а также по помянутому Велижскому дѣлу; тамъ три Христіанки, работницы Жидовъ, показали, каждая порознь, что сами мѣсили тѣсто на мацу (опрѣсноки), положивъ туда не много изъ добытой Евреями крови. Всякому, кто жилъ между Евреями, извѣстно, что они дѣйствительно пекутъ одинъ какой–то особый, священный для нихъ, опрѣснокъ, не только отдѣльно отъ прочихъ и въ другое время, ночью на канунѣ своей пасхи, — но что при изготовленіи этого таинственнаго опрѣснока всѣ дѣти, бабы и домочадцы высылаются изъ комнаты и дверь запирается. Въ этотъ–то опрѣснокъ Евреи секты Хасидымъ кладутъ, если могутъ достать, Христіанскую кровь. Замѣчаніе нѣкоторыхъ заступниковъ за Евреевъ, что если бы это и было справедливо, то Жидамъ не нужно бы посягать на убійство, а можно бы всегда достать крови въ любой цирюльнѣ — вовсе неосновательно; таинство сего изступленнаго обряда требуетъ именно мученической Христіанской крови отъ невиннаго младенца, а не крови отъ

больнаго, коему сдѣлано въ цирюльнѣ кровопусканіе. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Жиды дѣйствительно довольствовались добытіемъ крови, не убивая человѣка, кровопусканіе все таки всегда сопровождалось насиліемъ, какъ это усматривается ниже изъ бывшихъ случаевъ: отрѣзанія крестьянину кончика языка, на Волыни, въ 1833 году, и насильственнаго кровопусканія дѣвочкѣ, въ Луцкѣ, въ 1843 году.

Неофитъ говоритъ далѣе, что Евреи мажутся также Христіанскою кровью, дабы исцѣлиться отъ разныхъ недуговъ; что при похоронахъ такихъ изувѣрныхъ Евреевъ употребляется также бѣлокъ яичный съ Христіанскою кровью; что въ праздникъ Пуримъ, въ Февралѣ, на память Мордохея и Эсфири, фанатическіе Евреи убиваютъ Христіанина, вмѣсто Амана, пекутъ треугольные медовые пряники съ частицею крови его и разсылаютъ повсюду. Въ тоже время, говоритъ Неофитъ, Евреи крадутъ, если можно, Христіанскихъ дѣтей, держатъ ихъ въ заперти до Пасхи и тогда совершаютъ надъ ними свое ужасное

убійство, мучатъ ихъ, какъ Христосъ былъ мучимъ и предпочитаютъ для этого дѣтей, вѣроятно потому, что ихъ легче можно добыть и что съ ними легче и безопаснѣе управиться, а равно и ради ихъ непорочности. Неофитъ заключаетъ вышеприведеннымъ признаніемъ, о сообщеніи ему отцемъ его тайны этой, о заклятіяхъ и угрозахъ отца не обнаруживать ее никогда; «но, говоритъ онъ, признавъ Господа нашего Іисуса Христа отцемъ моимъ, а церковь святую матерью, объявляю теперь всю истину.»

По показанію другихъ обратившихся, Евреи употребляютъ три средства, для облегченія родовъ женщины: мужъ становится у дверей и читаетъ 54–ю главу Пророка Исаіи; потомъ приноситъ пять книгъ Моисеевыхъ изъ Синагоги; а наконецъ даютъ роженицѣ высушенную кровь. Многіе увѣряютъ, что это есть кровь отъ Христіанскаго младенца; что подтверждается нижеприведенными выписками изъ Еврейскихъ книгъ, гдѣ именно говорится, что кровь человѣческую для пользы нашей (отъ недуговъ)

употреблять въ пищу дозволяется, а равно и уголовнымъ дѣломъ, въ Минской Губерніи, 1833 года, гдѣ, какъ упомянуто выше, Фекла Селезнева показала, что Еврей Сабуня просилъ ее достать крови, хоть нѣсколько капель изъ мизинца дѣвочки, для роженицы Еврейки.

Вотъ еще изувѣрная причина употребленія Евреями Христіанской крови: Спаситель сказалъ ученикамъ своимъ: Се есть тѣло Мое и кровь Моя, на чемъ и основано у насъ Причащеніе Св. Тайнами, какъ тѣломъ и кровію Христа. Въ поруганіе этому Святому дѣйствію, Жиды фанатической секты Хосидымъ мѣшаютъ кровь Христіанскую, мученически добытую, въ свои опрѣсноки, и говорятъ: такъ будемъ же ѣсть тѣло и кровь ихъ, какъ повелѣлъ и Пророкъ Валаамъ*. Много писателей двухъ прошедшихъ столѣтій писали объ этомъ предметѣ и положительно обличали Евреевъ въ мученическомъ убіеніи Христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ. Изъ этихъ, поименованныхъ за симъ, сочиненій

* О пророкѣ Валаамѣ объяснено было выше.

выбрана большая часть нижепомѣщенныхъ случаевъ и примѣровъ, за исключеніемъ взятыхъ изъ подлинныхъ дѣлопроизводствъ въ Россіи и Польшѣ.

Sigismund Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum. Zelle, 1690.

Gotth. Freytag, Dissertatio de judaeo christianorum infanticidio.

P. Chr. Kirchner, zum Evangelio Christi bekehrter Rabbiner. 1720.

Pfarrer Oertel: Was glauben die Juden? Bamberg, 1823.

Eisenmenger's entdecktes Judenthum. 1700.

S. P. Brentz, Abgestreifter jБdischer Schlangenbalg. NБrnberg, 1614.

SchrФck' Kirchengeschichte.

Raymond Martin.

Centuriae Magdeburgenses.

Iohannis a Lent, Pseudo–Messias.

Cluverius, Epitome Historiarum.

Socrates, Kirchengeschichte.

Sebastian MБnster, Cosmographia.

Siegler' taglicher Schauplatz.

Matthei Raderi Bavaria Sancta, 1627.

Aventini Annalium Bojorum.

Tentzel, Monatliche Unterredungen, 1690.
Papebroch. T. II.
Georgii Crugeri, Sacri pulveres.
Genebrardus, liber IV.
Fortalitium Fidei, lib. III.
Неофитъ, Опроверженіе Еврейской вѣры, на Молдаванскомъ и Греческомъ.
Pikulsky, Zlosc Zydowska, 1760.
Серафимовичъ, 1710.
Басни Талмудовы, Краковъ; Почаевъ, 1794.
Nicephorus; Moisky; Schlehscheck; Vincentius; Dubravius; Twer; Kwiatkewitcz; Dlugosz; Gebisky; Gagel и проч.

И такъ болѣе тридцати писателей говорили объ этомъ предметѣ, въ различныя времена; они свидѣтельствуются множествомъ примѣровъ, бывшихъ въ разное время и въ разныхъ Государствахъ, разбираютъ тайное ученіе Евреевъ, смыслъ и значеніе этого безчеловѣчнаго обряда и доказываютъ дѣйствительное его существованіе. Бренцъ, напримѣръ, будучи самъ обращеннымъ изъ Евреевъ, говоритъ весьма положительно, что звѣрскій обрядъ

этотъ существуетъ, хотя и содержится въ большой тайнѣ, даже между Жидами.

Въ изданной Пикульскимъ, въ 1760 году, въ Лембергѣ книгѣ о жидахъ (Zlosc Zydowska) говорится: въ 15 день мѣсяца Шайвата старшина расчитываетъ, сколько собрано Синагогой денегъ на Христіанскую кровь, за которую всѣ Евреи, съ 13–ти лѣтняго возраста, вносятъ плату; потом нанимаются особые Евреи, чтобы поймать при случаѣ ребенка, котораго держатъ въ погребѣ, кормятъ 40 дней хорошо и предеютъ мученической смерти. Въ тоже время они стараются достать частицу Св. Тайнъ (Hostye Konsecrowana), для поруганія надъ ними по особому обряду. Все это подтверждается до нѣкоторой степени Велижскимъ и другими уголовными производствами: въ первомъ видно изъ перехваченной переписки задержанныхъ Жидовъ, что они напоминаютъ каким–то выборнымъ о ихъ обязанности стараться и ходатайствовать по сему дѣлу; и тутъ–же видно, что Евреи подкупили между прочимъ женщину, чтобы она украла для нихъ изъ церкви антиминсъ и не проглотивъ

Св. Тайнъ, во время пріобщенія, выплюнула ихъ въ платокъ и принесла имъ — что и было ею исполнено. Подобные же случаи, встрѣчаются неоднократно у Византійскихъ историковъ, и тоже подтверждаетъ бывшій въ началѣ прошлаго вѣка въ Брестѣ Раввинъ Серафиновичъ, крестившійся и описавшій впослѣдствіи злодѣянія Жидовъ. Онъ говоритъ между прочимъ, что самъ покупалъ у святотатныхъ Христіанъ для помянутаго поруганія, Святыя Тайны.

Пикульскій утверждаетъ далѣе, что тайная Еврейская книга Зевхелевъ объясняетъ варварскій обрядъ убійства младенцевъ такимъ образомъ: чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ распятія Спасителя, Жиды увидѣли съ ужасомъ, что вѣра Христова начала сильно распространяться; они обратились къ старѣйшему Талмудисту, Іерусалимскому Раввину Раваше, который нашелъ средство противъ угрожающей имъ опасности въ Еврейской книгѣ Рамбамъ, гдѣ сказано: «всякая зловредная вещь не иначе можетъ быть уничтожена какъ чрезъ сочувственное приложеніе другой вещи того же рода». Въ

доказательство сего книга Рамбамъ разсказываетъ, что послѣ убіенія Пророка Захарія во храмѣ, кровь кипѣла на этомъ мѣстѣ и ничѣмъ не могла быть стерта. Князь Набузарданъ, увидавъ это, спросилъ о причинѣ такого явленія и, получивъ въ отвѣтъ, что это кровь закланныхъ животныхъ, приказалъ сдѣлать при себѣ опытъ, будетъ ли кровь животныхъ кипѣть такимъ образомъ. Удостовѣрившись въ обманѣ, онъ пыткой вынудилъ сознаніе первосвященниковъ о убіеніи Захарія, и желая отмстить Евреямъ за смерть Пророка и успокоить кровь его, — приказалъ зарѣзать на томъ же мѣстѣ множество Еврейскихъ младенцевъ, до утоленія кипящей крови,—и дѣйствительно, достигъ этимъ средствомъ цѣли своей. Изъ этого Раваше заключилъ, что не иначе можно погасить пламя упорной вражды и мести Христіанъ, какъ собственною ихъ кровью, тайнымъ жертвоприношеніемъ невинныхъ младенцевъ.

Серафиновичъ разсказываетъ весь порядокъ этого гнуснаго безчеловѣчнаго обряда, не только какъ свидѣтель, но какъ

дѣйствовавшее лицо; онъ говоритъ именно: «одного ребенка я велѣлъ привязать ко кресту и онъ долго жилъ; другаго велѣлъ пригвоздить, и онъ вскорѣ умеръ.» Онъ также говоритъ, что младенца катаютъ предварительно въ бочкѣ — обстоятельство подтверждавшееся во всѣхъ почти уголовныхъ дѣлахъ сего рода; — что для закланія младенца держится особый ножъ съ золотою рукоятью и серебрянный сосудъ — а въ дѣлѣ о Велижскомъ происшествіи говорится о ножѣ въ серебряной оправѣ, который даже былъ отысканъ, хотя назначеніе его и не было положительно открыто; Серафиновичъ увѣряетъ, что въ Еврейской книгѣ Гуленъ говорится объ этой бочкѣ; что Раввинъ приговариваетъ при этомъ дѣйствіи: «проливаемъ кровь сего незаконнорожденнаго, какъ мы уже пролили кровь Бога ихъ, также незаконнорожденнаго.» Въ полныхъ экземплярахъ книги Талмуда Сенхедринъ, по увѣренію Серафиновича, въ главѣ 7–й сказано: «дѣти Христіанъ суть незаконнорожденные, а писаніе

повелѣваетъ мучить и убивать незаконнорожденныхъ,» Талмудъ мертвыхъ Христіанъ называетъ падалью, дохлыми и вслѣдствіе того, не велитъ ихъ хоронить; Пикульскій говоритъ именно, что замученнаго ребенка не зарываютъ, а выбрасываютъ куда нибудь, или кидаютъ въ воду: между тѣмъ почти всѣ подобныя злодѣйства дѣйствительно обнаруживались оттого только, что искаженное тѣло младенца было случайно находимо въ полѣ, въ лѣсу, или всплывшимъ на водѣ; и если бы Евреи не были обязаны повѣрьемъ своимъ выбрасыватъ просто искаженный трупъ мученика, то было бы трудно понять для чего они не стараются зарыть его и скрыть такимъ образомъ, чтобы оно покрайней мѣрѣ не бросалось въ глаза первому прохожему.

Пикульскій объясняетъ далѣе, для чего Жидамъ нужна кровь Христіанскаго младенца: въ извѣстный день изувѣры обмазываютъ ею двери какого либо Христіанина; новобрачнымъ даютъ яйцо съ этою кровью; при похоронахъ мажутъ глаза покойника яичнымъ бѣлкомъ съ кровью; въ

мацу или опрѣсноки кладутъ нѣсколько этой крови и сохраняютъ часть опрѣсноковъ въ Синагогѣ, до добытія свѣжей крови, размачивая ихъ въ водѣ, и употребляя вмѣсто крови, когда не удастся достать младенца. Благословляя Еврея на счастливую торговлю и обманы, Раввинъ также даетъ ему яйцо съ этою кровью. Въ праздникъ Пуримъ (Амана), Евреи пересылаютъ другъ другу гостинца, также съ кровью. Еще, говоритъ Пикульскій, употребляютъ кровь эту на разные чары, о чемъ будто бы намекается въ книгѣ Талмуда Хохмесъ Ныстеръ, хотя и не говорится ясно. Все это довольно согласно съ помѣщеннымъ выше показаніемъ Неофита и со многими уголовными дѣлами.

Далѣе говоритъ Пикульскій, въ книгѣ Сенхедринъ, гл. 6 п. 7 сказано: «Если дитя твое расположено къ Христіанамъ, то убей его; убить Христіанина есть богоугодное дѣло. Если Жидъ убьетъ Жида, то да накажется смертію; а если убьетъ Христіанина, то не подлежитъ наказанію[*].

[*] Убивать Христіанъ, гдѣ можно, Талмудъ повелѣваетъ неоднократно. См. Кн. Сенхедринъ гл. 6 стр. 48 и гл. 7, стр. 2 и 508; Книг. Аведозора гл. 1 стр. 3, гл. 2, стр. 13, ст. 15: Кн. Макегъ, гл. 2 стр. 9, ст. 3; Тамъ же гл. 71 и проч.

Если Христіанинъ принесетъ Богу въ жертву дитя свое, имѣетъ большую заслугу.» Послѣднее Евреи толкуютъ такъ: Тутъ написано Христіанинъ, чтобы скрыть настоящій смыслъ, но это значитъ, что Евреи должны приносить въ жертву дѣтей Христіанскихъ. Но главное толкованіе этого гнуснаго обряда, говоритъ Пикульскій, состоитъ въ томъ, что, убивая дѣтей Христіанскихъ, Евреи, какъ полагаютъ, убиваютъ въ нихъ Христа — и что ожесточеніе Евреевъ противу Христіанъ можетъ насытиться только Христіанскою кровью.

Пикульскій говоритъ далѣе, что Евреи, въ случаѣ неудачи, стараются купить младенца невольника въ Царѣ–Градѣ; что отроку должно быть не болѣе 13 лѣтъ, и что Евреи берутъ для сего вообще однихъ мальчиковъ, потому что Іисусъ Христосъ былъ мущина. Помѣщенные ниже примѣры, доказываютъ, что Еврейскіе изувѣры иногда также убиваютъ дѣвочекъ, и даже взрослыхъ мущинъ и женщинъ. Для нѣкоторыхъ чаръ, говоритъ Пикульскій, Евреи употребляютъ и выпущенную изъ

руки Христіанина кровь, что дѣйствительно подтверждается бывшимъ въ 1843 г. въ Луцкѣ случаемъ, о коемъ будетъ говориться ниже, гдѣ Евреи сдѣлали Христіанской дѣвкѣ насильственное изъ руки кровопусканіе.

На преніи, которое держали въ 1759 году, во Львовѣ, Талмудисты съ противниками своими, Евреями, не признающими Талмуда, также были разсужденія о томъ, что кто вѣритъ въ Талмудъ, тотъ вѣритъ и въ употребленіе крови Христіанской; слова: Яинъ–удымъ, красное вино, и Яинъ–Эдымъ — Христіанское вино — пишутся по Еврейски однѣми буквами, и вся разница заключается въ знакахъ, замѣняющихъ гласныя буквы; посему и утверждаютъ, что тутъ подразумѣвается не вино, а Христіанская кровь.

Въ книгѣ Басни Талмудовы напечатанной сперва на Польскомъ языкѣ, въ Краковѣ, а потомъ, въ 1794 году, на Русскомъ, въ Почаевскомъ монастырѣ, также утверждается, что въ мѣсяцѣ Несенъ (Апрѣль) Жиды распинаютъ и мучатъ

Христіанскаго младенца, если могутъ достать его, и что объ этомъ говорится въ книгахъ Талмуда Зихфелефъ, Хохмесъ и Наискобесъ, хотя смыслъ скрытъ и теменъ. Сочинитель говоритъ, что Евреямъ нужна кровь этого младенца: 1, для чарованія противу Христіанъ; 2, для свадебнаго обряда; 3, для обряда при похоронахъ; 4, для опрѣсноковъ или мацы; 5, для счастливыхъ оборотовъ по торговлѣ; 6, для праздника Амана, гдѣ Раввины кровь сію кладутъ въ брашна и разсылаютъ въ видѣ гостинца. Эйзенменгеръ* также говоритъ, что Жиды, по увѣренію многихъ писателей, употребляютъ кровь замученныхъ ими младенцевъ въ видѣ колдовства, для удержанія кровотеченія при обрѣзаніи; для возбужденій половыхъ, для женскихъ болѣзней и наконецъ вообще для жертвеннаго примиренія съ Богомъ.

Выше объяснено было, почему Талмудъ все еще составляетъ недоступную для насъ тайну, объяснено, что всѣ нынѣшніе экземпляры его неполны и смыслъ опасныхъ мѣстъ затемненъ съ намѣреніемъ

---

* Entdecktes Iudenthum, 1.700.

чрезвычайно хитро и загадочно, такъ напримѣръ, что иногда, по извѣстному однимъ только посвященнымъ въ таинства сіи кабалистическому правилу, должно читать не тѣ слова, кои написаны, хотя въ нихъ и есть смыслъ, а переставить буквы — и тогда выйдетъ совсѣмъ иное; въ другихъ же мѣстахъ, вставлены слова, коихъ каждая буква означаетъ цѣлое слово и слѣдовательно мнимое слово содержитъ въ себѣ цѣлое изреченіе. Не смотря на это однакоже Талмудъ все еще такъ богатъ безсмысленнымъ и противнымъ человѣчеству изувѣрствомъ, что конечно нѣтъ злодѣйства, на которое онъ бы неразрѣшалъ Жида, противу Христіанина. Какую бы ни заставить Еврея произнести клятву, относящуюся до Христіанина, она во всякомъ случаѣ будетъ ничтожна и никогда ни одного Талмудиста не свяжетъ. Все, что говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ о людяхъ, о человѣкѣ и человѣчествѣ, Евреи относятъ собственно и исключительно къ себѣ только, потому что они одни люди, а прочіе народы, на основаніи Гемары, скоты или животные. Приведемъ, для примѣра,

нѣсколько выписокъ изъ Талмуда, сдѣланныхъ крещеннымъ Евреемъ Поздерскимъ, по поводу Велижскаго дѣла.

«Вы, Евреи, люди, а не прочіе народы свѣта,» (Талмудъ, кн. Бове–меціе, разд. 9). Посему Талм. разрѣшаетъ всякую обиду, насиліе и воровство Еврея у иновѣрца: «От ближняго не отымай ничего, какъ гласитъ заповѣдь; но ближній твой Еврей, а не прочіе народы свѣта.» (Талмудъ, Кн. Сенхедринъ, — разд. 7, листъ 59). Такимъ образомъ Талмудъ толкуетъ Ветхій Завѣтъ отъ точки до точки, и всюду дѣлаетъ это различіе, называя человѣкомъ и ближнимъ Еврея, Израильтянина, но отнюдь не иновѣрца.

«Благословляй покойника, если встрѣтишь гробъ Еврея, и проклинай умершихъ другаго народа и говори: обезчещена мать ваша, краснѣетъ родившая васъ и проч..» (Талм. Кн. Брохесъ, разд. 9, листъ 58).

«Если кто скажетъ, что Богъ принялъ на себя плоть человѣческую, то онъ лжецъ (эпикойресъ) и достоинъ смерти; посему на такого человѣка Еврею дозволяется

свидѣтельствовать ложно.» (Талм. Кн. Сенхедринъ).

«Иновѣрецъ, убившій иновѣрца, равно и Еврей, убившій Еврея — наказываются смертію; но Еврей, убившій иновѣрца, не подлежитъ наказанію. (Кн. Сенхедринъ, разд. 7, листъ 59).

«Если иновѣрецъ читаетъ Талмудъ, то онъ достоинъ смерти, потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: «Моисей далъ намъ въ достояніе законъ; т. е. далъ намъ, но не прочимъ народамъ.» (Тамъ же).

Остается опровергнуть еще одно доказательство, приводимое въ пользу Евреевъ, т. е. что законъ Моисеевъ запрещаетъ имъ, какъ извѣстно, употребленіе въ пищу крови. На это отвѣчаемъ, во первыхъ: по ученію Талмуда и Раввиновъ, военная служба и болѣзни освобождаютъ отъ закона вообще и отъ запрещенія на извѣстную пищу; во вторыхъ, Талмудъ же именно разрѣшаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, употреблять въ смѣси съ яствами кровь рыбью и человѣчью (Талм. Кн. Іоредео, разд. 66, листъ 53), и говоритъ, посему поводу такъ: — «кровь

скотская, звѣриная и птичья запрещается; рыбья кровь не запрещена, если только по положительнымъ признакамъ, напримѣръ по чешуѣ, можно узнать, что она дѣйствительно рыбья.»

Человѣческая кровь запрещена также по виду своему, потому что не можетъ быть отличена отъ скотской; посему кровь человѣческая, оставшаяся отъ зубовъ на коркѣ хлѣба, должна быть отскребена; но случившуюся во рту кровь, проглотить можно. Вообще же, рыбья и человѣческая кровь, какъ по закону не запрещенная, во всякой смѣси съ яствами разрѣшается.» Въ книгѣ Сулханъ Орухъ, стр. 42 ст. 67, это сказано также ясно: «кровь скота и звѣря употреблять въ снѣдь нельзя, а кровь человѣческую, для пользы нашей, можно.» Евреи увѣряютъ, что это относится до болѣзней, гдѣ кровь употреблялась въ древности, какъ лѣкарство; но въ толкованіи на приведенное мѣсто говорится, именно: «Христіане давно уже предостережены, но намъ нельзя обйтись безъ крови, для того, о чемъ пишетъ книга Тойсеюсъ.» Далѣе, стр. 119, ст. 193: «не

дружись съ Христіаниномъ тамъ гдѣ тебѣ надобно..... , для того, чтобы не узнали о пролитіи крови.» И вотъ образчикъ пропуска въ Талмудѣ, конечно болѣе чѣмъ только подозрительнаго.

Есть также и словесныя показанія крещенныхъ Евреевъ о ихъ таинствѣ крови. Такъ, наприм. Унтеръ–Офицеръ Савицкій, крещеный Еврей, показалъ, по случаю бывшаго въ Гродненской Губерніи въ 1816 году происшествія, что Евреи дѣйствительно употребляютъ кровь Христіанскую и для этого истязаютъ младенцевъ. По словамъ его, обрядъ этотъ исполняется въ половинѣ Апрѣля, къ празднику Пейсахъ, т. е. къ Пасхѣ; въ память закланія агнца, притолока обрызгивается кровью младенца, или къ ней прикасаются ниткой, намоченной въ этой крови. Все это вполнѣ согласно съ помѣщенными выше свѣденіями и показаніями, а равно и съ обстоятельствами бывшихъ случаевъ. Савицкій далѣе показалъ: младенцевъ берутъ преимущественно, потому что съ ними легче справиться и легче ихъ достать;

каждому Еврею, успѣвшему въ этомъ, дается отпущеніе грѣховъ; на истязаніе младенца, пропятіе его и проч., есть подробныя правила, и все это должно быть исполнено въ Синаногѣ; но когда настоитъ опасность, что дѣло могло бы чрезъ это огласиться, то дозволяется убить Христіанина тайно, гдѣ и какъ можно, не соблюдая никакихъ особыхъ обрядовъ; посему и бочка, въ которой велѣно катать жертву, для привлеченія подкожной крови, въ новѣйшее время отмѣнена — и именно сдѣлать это бывшій въ Вильно Раввинъ Илія Хосидъ. Савицкій просилъ только оградить его отъ весьма опаснаго преслѣдованія Евреевъ и въ такомъ случаѣ брался обнаружить все; но предложеніе его не было принято. Онъ показалъ между прочимъ, что Жиды читаютъ, во время истязанія младенца, слѣдующую молитву, изъ книги Мангогима: «радуйтеся и веселитеся, да извлечется кровь сія въ память вѣчную, не яко отрока сего, но яко падшаго Кудра (Спасителя).» Потомъ изъ книги Сейдеръ, молитва Олейна: «Христіане поклоняются кумирамъ, камню

или дереву, изображая на оныхъ Христа, но не получаютъ отъ Него никакой помощи. Да исчезнетъ имя Его и да погибнутъ вѣрующіе въ Него, яко трава изсыхающая и яко воскъ тающій.» Помянутый Хасидъ написалъ объ этомъ весьма рѣдкую и содержимую въ большой тайнѣ книгу подъ названіемъ Цивуй.

Лейбъ–Гвардіи Финляндскаго полка рядовой Федоровъ, крещеный Еврей, по поводу разбирательства по Велижскому дѣлу, показалъ въ 1830 году, что по общеизвѣстному и втайнѣ сохраняемому между Евреями ученію, имъ дѣйствительно нужна кровь Христіанская, къ празднику Пейсахъ (пасхѣ), въ опрѣсноки; что отецъ его, Федорова, ему объ этомъ сказывалъ, что онъ самъ, какъ увѣренъ, употреблялъ опрѣсноки съ этою кровью. Федоровъ изобличенъ былъ въ нѣкоторыхъ ложныхъ показаніяхъ, когда вздумалъ выслужиться и объяснить подробности Велижскаго дѣла, извѣстнаго ему только поверхностно; это однакоже недоказываетъ еще, что общее показаніе его было также неосновательно,

особенно если оно согласно со всѣми прочими свѣденіями о семъ предметѣ.

Крещеный Еврей Грудинскій, по поводу того же дѣла показалъ тоже. Многія изъ показаній его оказались ложными; не менѣе того онъ однакоже съ большою подробностію и согласно съ прочими свѣденіями описалъ порядокъ и цѣль этого фанатическаго обряда. Онъ утверждалъ, что есть содержимая въ большой тайнѣ книга Рамбамъ, (Гандома церихенъ дмей Акумъ сельмицвесъ), въ которой обрядъ описанъ во всей подробности; что самъ онъ видѣлъ и читалъ эту книгу и что на томъ экземплярѣ нарисованы были, въ видѣ арматуры или виньетки, всѣ снаряды необходимые для совершенія сего безчеловѣчнаго обряда; что для этого содержатся при Синагогѣ желѣзная корона, два желѣзныя копьеца, ножъ для обрѣзанія, полукруглое долото, для желобковатой раны въ боку младенца; бочка, въ которой катаютъ его для привлеченія подкожной крови и описываетъ совсею мелочною точностію видъ и особенное устройство этой бочки, какъ

можетъ ее описать только человѣкъ, тщательно разсматривавшій предметъ. Онъ же говоритъ о томъ, что варварскій обрядъ этотъ нѣсколько измѣняется, когда истязаютъ, по недостатку мальчика, дѣвочку; и это также согласно съ показаніями солдатки Терентьевой по Велижскому дѣлу. Грудинскій говоритъ, между прочимъ, что дѣвочекъ должно катать въ другой бочкѣ, чѣмъ мальчиковъ, что бочка эта иначе устроена; а Терентьева, бывъ сама соучастницей нѣсколькихъ подобныхъ злодѣйствъ, показываетъ именно, что дѣвочку замучили жиды такимъ же образомъ, обрѣзавъ ей предварительно ногти и сосочки на груди — тогда какъ надъ мальчикомъ совершили Еврейское обрѣзаніе — но что дѣвочку качали въ другой иначе устроенной бочкѣ. Грудинскій присовокупилъ еще одно, повидимому незначительное, но въ сущности чрезвычайно важное, обстоятельство: а именно, что въ воспоминаніе предательства Іудою Искаріотскимъ Спасителя младенецъ долженъ быть купленъ у какого либо

Христіанина за 30 сребренниковъ; но въ случаѣ нужды, дозволяется самимъ Евреямъ похищать дѣтей, и за то передать Христіанамъ подъ какимъ-либо предлогомъ, хотя въ разное время и въ разныя рΔки, 30 монетъ. Показаніе это важно потому, что почти во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, гдѣ совращенные Христіане сознавались впослѣдствіи сами, что доставили Жидамъ ребенка за деньги, говорится именно о тридцати монетахъ. Такъ по Минскому дѣлу, 1833 года, Фекла Селезнева показала, что Еврей Орко Сабуня обѣщалъ ей 30 цѣлковыхъ, за Христіанскаго ребенка; Пикульскій (Zlosc Zydouska, 1760, Лембергъ) говоритъ, что Евреи вносятъ за кровь эту и на пріобрѣтеніе младенцевъ, каждый по два злотыхъ, или 30 коп. серебр.; Серафиновичъ, о коемъ говорено выше, самъ сознается, что платилъ по 30 червонцевъ, и проч.

Грудинскій и другіе объясняютъ неистовый обрядъ этотъ такимъ образомъ: Спаситель нашъ, по мнѣнію Жидовъ, былъ не сынъ Божій, а человѣкъ и творилъ

чудеса чернокнижіемъ. Этимъ средствомъ, онъ и обратилъ Израильтянъ, назвавъ ихъ бѣснующимися, въ стадо свиней, утопивъ ихъ въ озерѣ; затѣмъ Христіане ѣдятъ свиней, хотя и знаютъ, что это кровь обращенныхъ Израильтянъ; а жиды, коимъ Богъ повелѣлъ распять и истязать Христа, повторяютъ это теперь надъ послѣдователями Его, утоляя месть свою кровью ихъ и предавая младенцевъ ихъ закланію, вмѣсто агнца пасхальнаго.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ объ этомъ предметѣ есть, безъ сомнѣнія, сочиненіе Аббата Кіарини, напечатанная въ Парижѣ въ 1930 году и посвященная ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Кіарини съ примѣрнымъ безпристрастіемъ разбираетъ основное ученіе Евреевъ, доказываетъ, что всѣ правила Талмуда содержатъ ученіе разрушительное, не признающее ни обществъ, кромѣ Еврейскаго, ни даже самаго человѣчества, или человѣка, кромѣ собственно Еврейскаго и Еврея. Кіарини разоблачаетъ всю лжемудрость, злобное изувѣрство и нетерпимость содержимыхъ въ тайнѣ ученій; онъ написалъ книгу свою

съ высокою и благородною цѣлью: изслѣдовать во всей подробности настоящій бытъ и отношенія Евреевъ и указать на средства, какимъ образомъ вывести несчастный народъ этотъ изъ гибельнаго его положенія. Посему Кіарини не обнаруживаетъ ни малѣйшей ненависти къ Жидамъ, а ограничиваясь одними учеными розысканіями, смотритъ на народъ этотъ съ Христіанскимъ смиреніемъ. Не менѣе того однако–же, коснувшись предмета записки сей, онъ говоритъ:

«Кровавый, суевѣрный обрядъ, который вѣроятно находитъ послѣдователей только въ небольшомъ числѣ изувѣровъ низшаго сословія Евреевъ, состоитъ въ томъ, чтобы завлекать разными средствами Христіанскихъ дѣтей и приносить ихъ на жертву во время Израильскаго праздника Пасхи. Можетъ быть этимъ возобновляется память богоубійства, совершеннаго прародителями ихъ, или кровь младенцевъ употребляется для изувѣрныхъ цѣлей, а вѣроятно и то и другое вмѣстѣ. Раймондъ Мартинъ утверждаетъ, что обычай этотъ основывается на изрѣченіи Талмуда; но я

нахожу, въ приводимыхъ имъ словахъ, одно только разрѣшеніе скрытно убивать Христіанъ, разрѣшеніе, которое изувѣрный народъ конечно могъ объяснить по своему. Мы видимъ также, въ словѣ скрытно, оговорку или оправданіе, если злодѣяніе это не будетъ исполнено; мы видимъ также, что Талмудъ въ ясныхъ словахъ повелѣваетъ Жидамъ стараться сокрушать, огорчать чѣмъ нибудь Христіанъ, передъ торжественными ихъ праздниками, чтобы отвлечь ихъ, Христіанъ, отъ исполненія обрядовъ церкви и не дать имъ спокойнымъ духомъ наслаждаться священнымъ для нихъ торжествомъ. Такое ученіе, конечно, можетъ быть истолковано Жидами по произволу.» Это мѣсто Талмуда, какъ замѣчаетъ Кіарини, искажено съ намѣреніемъ въ новѣйшихъ изданіяхъ, чтобы не подать Христіанамъ подозрѣнія. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «оспоривать, что Жиды во многихъ Европейскихъ земляхъ, въ изступленіи своемъ, совершали этотъ безчеловѣчный обрядъ (убіеніе Христіанскихъ младенцевъ), значило бы вычеркнуть изъ страницъ лѣтописей

нѣсколько десятковъ событій или случаевъ, во всей подробности описанныхъ и со всею основательностію доказанныхъ; это значило бы разрушить и уничтожить нѣсколько памятниковъ, сохраняемыхъ нѣкоторыми городами, вмѣстѣ съ преданіемъ объ этомъ ужасномъ преступленіи; это значило бы наконецъ признать, безъ всякаго къ тому основанія, лжесвидѣтелями людей, которые еще живы и видѣли своими глазами — если не самое исполненіе злодѣянія, то покрайней мѣрѣ несомнѣнныя къ тому попытки. Въ теченіе настоящаго года (1827), Жиды въ Варшавѣ, для шутки, какъ они говорятъ, поймали Христіанскаго ребенка и заперли въ сундукъ; (*) гдѣ онъ былъ отысканъ. Но если разсудить, что это сдѣлалось, какъ обыкновенно, день или два передъ Пасхой и что Жиды при этомъ окружили и обезпечили себя всѣми предосторожностями, по ученію Талмудистовъ, — то будетъ слишкомъ трудно прикрыть такое дѣйствіе личиною вовсе не умѣстной шутки.»

* Изъ Велижскаго дѣла 1823 года также видно, что Жиды спрятали и заперли пойманнаго ими ребенка въ сундукъ.

Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ есть при дѣлахъ, доставленная однимъ извѣстнымъ крещеннымъ Евреемъ, выписка изъ Еврейской книги Эцъ–Хаимъ (древо жизни), писанной въ XVII вѣкѣ Раввиномъ Хаимъ Выталъ, который жилъ въ Польшѣ. Переводчикъ при семъ случаѣ объявилъ письменно, что обычай истязать Христіанскихъ дѣтей, по увѣренности его, дѣйствительно у Евреевъ существуетъ. Выписка эта или переводъ въ самой вещи служитъ полнымъ доказательствомъ оспариваемаго вопроса; если уже Раввинъ рѣшился написать подобную вещь, не обинуясь, въ изданной имъ книгѣ – то нельзя сомнѣваться, чтобы не нашлись изувѣры, которые бы въ ослѣпленіи своемъ не были готовы посягнуть на такое безчеловѣчное злодѣйство.

Вотъ переводъ этой выписки:

«Всякое животное сохраняетъ посредствомъ жизни извѣстную частицу святости Всевышняго.»

«Человекъ, ктобы ни былъ, сохраняетъ этой святости при жизни болѣе, нежели животное.»

«Когда заколемъ животное, тогда отходитъ отъ него тѣнь жизни вмѣстѣ съ извѣстною частицею святости и обращается въ пользу того, кто въ снѣдь сіе животное употребляетъ; но пока тѣнь жизни отъ животнаго еще не со всѣмъ отошла, то сохраняющаяся въ немъ извѣстная частица Святости, запрещаетъ намъ употреблять его въ пищу. Такъ сказано въ Св. Писаніи и о человѣкѣ, Кн. Числъ, гл. 14, ст. 9: «Они намъ въ снѣдь, отошла отъ нихъ тѣнь ихъ.»

«Сіе показываетъ намъ намеками, что такъ какъ въ нихъ нѣтъ уже болѣе той частицы Святости, то они, какъ заколотыя животныя или хлѣбъ, въ снѣдь намъ предоставлены; посему и сказано Кн. Числъ гл. 23, ст. 23: — Сіе людіе (народъ Израильскій) не уснетъ, дондеже снѣстъ ловъ и кровь посѣченныхъ испіетъ; и сіе намекаетъ на людей, не сохраняющихъ въ себѣ Святости свыше.»

«Изъ всего онаго мы заключаемъ, что убіеніемъ и питіемъ крови Гоя (невѣрнаго), умножается Святость Израиля или Евреевъ.»

Вотъ что написано въ книгѣ Эцъ–Хаимъ; — а послѣ такого разительнаго и неоспоримаго доказательства въ существованіи между Евреями такого изступленнаго обряда, можно только утверждать, что Евреи большею частію не слѣдуютъ симъ наставленіямъ, но отрицать самое существованіе ихъ невозможно.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ писатели и крещенные Евреи, утверждающіе существованіе этого обряда, согласно говорятъ о цѣли, значеніи и порядкѣ исполненія его; а если еще откроется ниже, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ злодѣяніе обнаружилось и пытка или очевидныя улики и совѣсть вынудили сознаніе, сіе послѣднее также вполнѣ согласуется съ помянутыми писателями и со всеобщимъ народнымъ преданіемъ, — то кажется дѣло можно будетъ считать рѣшеннымъ. Что значитъ въ сравненіи съ сими доказательствами и съ неоспоримыми событіями, реторическіе возгласы филантроповъ и космополитовъ, или свидѣтельства нѣсколькихъ образованныхъ и честныхъ Евреевъ, вовсе не

посвященныхъ въ сіи таинства, или же удостовѣреніе ученыхъ, что это было бы противно кореннымъ Законамъ Моисея? Въ этомъ духѣ было опроверженіе или отреченіе, сдѣланное гласно Англійскими Евреями въ Парламентѣ; въ этомъ же духѣ торжественная клятва нѣсколькихъ крещенныхъ Германскихъ Евреевъ и наконецъ тѣмъ же оружіемъ нѣкоторые писатели жарко защищали Жидовъ, какъ напримѣръ ученый Гитцигъ съ товарищами въ новѣйшемъ юридическомъ сочиненіи своемъ: Der neue Pitaval. Все это можетъ сбить съ пути того только, кто не знакомъ коротко ни съ изувѣрствомъ закоснѣлыхъ Жидовъ, ни съ событіями и судебнымъ по нимъ производствомъ; но все это не можетъ сдѣлать черное бѣлымъ, а былое небывалымъ.

Бывшіе случаи злодѣйскаго изувѣрства Евреевъ.

Переходя затѣмъ къ исчисленію бывшихъ случаевъ злодѣйскаго изувѣрства Евреевъ и къ разбирательству важнѣйшихъ изъ нихъ, или покрайней мѣрѣ ближайшихъ къ намъ и посему болѣе достовѣрныхъ,

взятыхъ изъ подлинныхъ дѣлопроизводствъ и изъ разныхъ книгъ, писанныхъ объ этомъ предметѣ, — должно напередъ всего упомянуть, что уже въ первые вѣка Христіанства Евреи носили по улицамъ изображеніе Амана, на крестѣ, въ поруганіе Христіанамъ, и неоднократно убивали, по злобѣ, гдѣ могли, Христіанъ (Церк. Ист, Шрекка, т. VII), и что въ законахъ Польскихъ и Литовскихъ 1529 года мы находимъ особый на подобный случай законъ: «При обвиненіи Жида въ убіеніи Христіанскаго младенца, должно представить трехъ свидѣтелей изъ Христіанъ; а кто не докажетъ обвиненія, тотъ самъ подлежитъ казни.» (Чацкій, О Литов. и Польск. Законахъ, т. 1, о привилегіяхъ Жидовъ). Затѣмъ:

Въ IV столѣтіи.

1) При Кесарѣ Константинѣ, Жиды были изгнаны изъ нѣкоторыхъ провинцій, за то, что распяли Христіанскаго ребенка на крестѣ, въ Страстную Пятницу.

Въ V столѣтіи.

2) Въ Уложеніи Императора Ѳеодосія запрещается Евреямъ праздновать

воспоминанія свои поруганіемъ надъ подобіемъ креста, которое ими торжественно сожигалось; Ѳеодосій же запретилъ строить синагоги въ уединенныхъ мѣстахъ, въ предупрежденіе разныхъ, неоднократно случившихся, неистовствъ; но Евреи, не смотря на это, распинали тайно Христіанскихъ младенцевъ и нѣсколько человѣкъ ихъ было за это казнено, что случилось въ 419 году, въ Сиріи, между Антіохіею и Халкидономъ, въ Инместарѣ (Eisenmenger T. II. p. 220).

Въ VII столѣтіи.

3) Въ царствованіе Фоки, Жиды были изгнаны изъ Антіохіи за то, что умертвили, по изувѣрству, поносною смертію Епископа Анастасія и убили многихъ Христіанъ.

Въ XI столѣтіи.

4) Въ 1067 году, въ Прагѣ (въ Богеміи), шесть Евреевъ зашиты въ мѣшки и утоплены въ рѣкѣ за то, что выпустили изъ 3 лѣтняго младенца кровь и переслали ее длругимъ Евреямъ, въ Тревизу (Мосцкій, гл. 25).

5) Въ Кіевскихъ пещерахъ почиваютъ донынѣ мощи Преподобнаго Евстратія,

коего память празднуется 28 Марта. Въ Патерикѣ находится житіе его и говорится, что Св. угодникъ былъ Кіевлянинъ, взятъ въ плѣнъ Половцами, при нашествіи Хана Боняка 1096 г., проданъ въ Корсунъ Жиду, который подвергъ его разнымъ мукамъ и наконецъ, къ празднику Пасхи своей, распялъ его на крестѣ, а потомъ бросилъ въ море. Тутъ нашли тѣло его Русскіе Христіане и привезли въ Кіевъ (печ. Пат. л. 169).

6) Между Кобленцомъ и Бингеномъ, на Рейнѣ, есть донынѣ часовня съ мощами ребенка, замученнаго въ XI вѣкѣ Жидами; мѣстные католики почитаютъ его святымъ.

Въ XII столѣтіи.

7) Въ 1172 году, въ Блуа, во Францiи, Евреи распяли ребенка, положили трупъ въ мѣшокъ и бросили въ рѣку Луару (Centur. Magdeb. XII, Cap. XIV).

8) Тоже случилось тамъ въ 1177 году, въ самый день Пасхи, и нѣсколько Евреевъ сожжены за это на кострѣ. (Тамъ же и Шлешекъ гл. 9).

9) Въ 1179 году въ Германіи, казнены были Евреи, за распятіе ими на крестѣ ребенка (Дубравіусъ, книг. 18).

10) Въ 1146 году, въ Норвичѣ (въ Англіи), Евреи были казнены, за распятіе младенца Вильгельма, въ Страстную Пятницу. Случай этотъ описанъ со всею подробностію (тамъ же; Винценцій кн. 27).

11) Въ Браѣ (во Франціи), Жиды подкупомъ получили позволеніе казнить Христіанина, подъ предлогомъ, что онъ разбойникъ и убійца; они надѣли на него желѣзную корону, сѣкли его розгами и распяли. (Тамъ же).

12) Писатели прежнихъ временъ, Гегинъ и Наудеръ, свидѣтельствуютъ въ общихъ словахъ, что Парижскіе Жиды въ XII вѣкѣ похищали къ Пасхѣ младенцевъ и предавали ихъ, въ подвалахъ, мученической смерти.

13) Въ Глостерѣ, въ царствованіе Генриха II, Жиды распяли Христіанскаго младенца во время Пасхи. (Тамъ же, гл. XI, XIV).

14) Въ 1179 году, в Прагѣ (въ Богеміи), казнено много Евреевъ, за измученнаго и распятаго ими ребенка. (Гагель, листъ 304).

15) Близъ Орлеана (во Франціи), въ 1175 году, сожжено нѣсколько Раввиновъ, за умерщвленіе ребенка, брошеннаго ими послѣ въ воду. Въ 1180 году Жиды были изгнаны за подобныя злодѣйства изъ Франціи. (Тверъ, кн. 4).

16) Около того же времени тоже случилось въ Аугсбургѣ (въ Германіи), за что всѣ Евреи были оттуда высланы.

17) Въ 1183 году Жиды, судившіеся за подобное злодѣяніе, совершенное въ Великій Пятокъ, сознались въ немъ, а равно и въ томъ, что обязаны дѣлать это по своей вѣрѣ. (Винценціусъ, кн. 29 гл. 25).

Въ XIII столѣтіи.

18) Въ 1228 году, въ Бехарацѣ (въ Германіи), Евреи замучили ребенка и положили подъ гнетъ, чтобы выжать изъ него кровь. (Шлешекъ, гл. 9).

19) Въ 1228 году, Евреи, въ Аугсбургѣ, распяли ребенка. (Тамъ же).

20) Въ 1234 году въ Норвичѣ, Евреи похитили ребенка, держали его втайнѣ

нѣсколько мѣсяцевъ, до Пасхи, — но не успѣли совершить злодѣянія своего; ребенокъ отысканъ, а они казнены.

21) Въ 1250 году, въ Аррагоніи, Жиды распяли, во время Пасхи своей, семилѣтняго ребенка. (Eisenm. T. II. p. 220).

22) Въ 1255 году, въ Линкольнѣ (въ Англіи), Евреи похитили осьмилѣтняго отрока, сѣкли его бичами, увѣнчали терновымъ вѣнцомъ и распяли на крестѣ. Мать нашла трупъ въ колодцѣ; Евреи изобличены и сознались; одинъ изъ нихъ на мѣстѣ растерзанъ лошадьми, а девяносто отведены въ Лондонъ и казнены тамъ.

23) Въ 1257 году, въ Лондонѣ, Жиды принесли въ жертву на Праздникъ Пасхи Христіанскаго младенца (Eisenm. T. II. p. 220).

24) Въ деревнѣ Торханъ (въ Германіи), въ 1261 году Евреи выпустили изъ се,милѣтней дѣвочки кровь изо всѣхъ жилъ, а трупъ бросили въ рѣку, гдѣ онъ былъ найденъ рыбаками. Евреи были изобличены и частію колесованы, частію повѣшены. (Шлешекъ, гл. 9).

25) Въ 1282 году, женщина продала жидамъ украденнаго ею ребенка, а они замучили его, исколовъ по всему тѣлу. Когда таже женщина хотѣла передать имъ другое дитя, то была поймана, созналась во всемъ подъ пыткой, указавъ мѣсто, гдѣ первый ребенокъ былъ брошенъ: онъ найденъ исколотымъ по всему тѣлу; по этому поводу было въ Минхенѣ возстаніе, въ коемъ убито много Жидовъ. (Eisenm. T. II. p. 220).

26) Въ 1287 году, въ Бернѣ (въ Швейцаріи), нѣсколько Евреевъ колесованы, за умерщвленіе младенца, а остальные высланы. (Книга Угловнаго произ. надъ Евреями).

27) Въ 1295 году Евреи вторично высланы были изъ всей Франціи, за подобныя преступленія.

Въ XIV столѣтии.

28) Въ Вейсензе, въ Турингіи, въ 1303 году, нѣсколько Евреевъ сожжено, за умерщвленіе дворянскаго ребенка, найденнаго въ водѣ. (Eisenm. T. II. p. 221).

29) Въ 1305 году, въ Прагѣ, Жиды умертвили о Пасху Христіанскаго ребенка. (тамъ же).

30) Въ Губерлинѣ (въ Германіи), въ 1331 году, Жиды распяли на крестѣ ребенка, за что заперты были всѣ въ одинъ жидовскій домъ и сожжены (Шлешекъ, гл. 9).

31) Въ Мюнхенѣ, въ 1345 году, женщина продала ребенка Генриха Евреямъ, кои нанесли ему до 60–ти ранъ и распяли его на крестѣ. (Eisenm. T. II. p. 221).

32) Въ 1400 году, въ Турингіи, Евреи купили у Католика ребенка и замучили его: Маркграфы Фридрихъ и Вильгельмъ повелѣли за это колесовать и четвертовать Католика и Евреевъ. (Маемосъ, гл. 33).

33) Въ 1401 году, въ Швабіи, народъ возсталъ по поводу умертвленія Жидами двухъ Христіанскихъ дѣтей, купленныхъ у какой–то женщины, — заперъ всѣхъ Жидовъ, вмѣстѣ съ нею въ Синагогу и сжегъ ихъ тамъ живыхъ (Маемосъ, л. 33).

34) Въ 1407 году, въ Краковѣ, при Королѣ Ягеллѣ, народъ возмутился, по случаю умерщвленія Евреями ребенка, —

убилъ много Жидовъ, опустошилъ и выжегъ дома ихъ и выгналъ всѣхъ изъ города. (Длугошъ, кн. X; Гембицкій гл. 7).

35) Въ 1420 году. въ Венеціи, казнено нѣсколько Евреевъ, за убіеннаго, въ Великую Пятницу, младенца. (Кн. Уголов. Производ. надъ Евреями, за убійство Христіанъ).

36) Въ 1420 году, въ Вѣнѣ, при Фридрихѣ, созжено 300 Евреевъ, за умерщвленіе ими трехъ дѣтей. (Маемосъ).

37) Въ 1454 году, въ Вѣнѣ, казнено нѣсколько Евреевъ за то, что убили ребенка, вынули сердце, сожгли его въ порошокъ и пили его въ винѣ. Случай этотъ тѣмъ замѣчателенъ, что наши раскольники, толка дѣтогубцевъ, дѣлали тоже, но пили порошокъ не сами, а опаивали имъ другихъ, для привлеченія, посредствомъ чаръ сихъ, къ своему братству.

38) Въ 1456 году, въ Анконѣ, крещенный Раввинъ Эмануилъ объявилъ, что бывшій тамъ лекарь изъ Евреевъ, отрѣзалъ голову служившему у него мальчику, Христіанину, и собралъ тщательно кровь.

39) Онъ же показалъ о другомъ подобномъ случаѣ, гдѣ Евреи распяли мальчика, кололи его и собирали кровь въ сосуды.

40) Въ 1486 году, въ Регенсбургѣ, найдено въ одномъ жидовскомъ погребѣ шесть труповъ Христіанскихъ младенцевъ; при изслѣдованіи открытъ тутъ же камень, обмазанный глиной, подъ которою найдены на камнѣ слѣды крови, потому что дѣти на немъ были убиты (Eisenmen. T. II. p. 222).

41) Въ 1475 году, въ Тріентѣ, въ Тиролѣ,

42) Въ 1486 году, во Вратиславлѣ (Бреславлѣ),

43) Въ 1494 году, въ Бранденбургѣ — казнены и частію сожжены были Жиды, за убіеніе Христіанскихъ младенцевъ.

Происшествіе въ Тріентѣ описано во всей подробности*. Трехлѣтній ребенокъ, Симеонъ, убитъ былъ въ Четвертокъ на Страстной недѣлѣ и жители поклонялись ему, какъ мученику. Жидъ Товій принесъ его въ школу; тутъ зажали ему ротъ, держали за руки и за ноги, вырѣзали кусочекъ изъ правой щеки, кололи

* Eisenmenger. T. II, p. 221; Münster's Cosmographia p. 342; Hoffmann, Schwerzubekehrendes Judenthum, p. 115. Tentzel, Monatliche Unterredungen.

большими иглами по всему тѣлу и, собравъ кровь его, тотчасъ же положили въ опрѣсноки. Жиды ругались надъ ребенкомъ, называя его Іисусомъ Христомъ, и бросили трупъ въ воду. Родители нашли трупъ и донесли объ этомъ властямъ (Іоанну Салисскому и Гражданину Бриксену), кои вынудили изъ Евреевъ пыткою сознаніе во всѣхъ подробностяхъ этого злодѣйства. На могилу младенца ходили на поклоненіе и мученикъ вскорѣ пріобрѣлъ имя праведника. Впослѣдствіи Папа Сикстъ IV воспротивился этому и запретилъ даже преслѣдованіе Тріентскихъ Жидовъ, потому, вѣроятно, что Жиды успѣли склонить въ пользу свою приближенныхъ къ Папѣ людей. Происшествіе это изображено было во Франкфуртѣ на картинѣ, которая существовала еще въ 1700 году, съ подробною надписью, какъ расказываетъ очевидецъ Эйзенменгеръ.

44) Въ 1492 году, Жиды, по подобнымъ обвиненіямъ, изгнаны были изъ Испаніи.

Въ XVI столѣтіи.

45) Въ 1502 году, въ Прагѣ, Еврей сожженъ на кострѣ, за убіеніе младенца и испущеніе изъ него крови. (Гагель, листъ 122).

46) Въ 1509 году, въ Боссингенѣ (въ Венгріи), Жиды замучили ребенка, украденнаго ими у одного колесника, и исколовъ его по всему тѣлу, выпустили кровь, а трупъ кинули за городъ. Виновные сознались подъ пыткой и казнены. (Eisenmen. T. II. p. 222).

47) Въ 1510 году, Жиды изгнаны были изъ Англіи, по такому жъ обвиненію.

48) Около того же времени, въ Данцигѣ, Еврей укралъ сына одного мѣщанина.

49) Въ Глозавѣ, при Королѣ Августѣ, шестилѣтній мальчикъ Донематъ и семилѣтняя дѣвочка Доротта замучены Евреями.

50) Въ Равѣ, два Еврея украли ребенка у сапожника и лишили его жизни, за что были казнены.

51) Въ 1540 году, въ Княжествѣ Нейбургѣ, Жиды звѣрскимъ образомъ замучили Христіанскаго младенца, который жилъ еще трои сутки. Дѣло обнаружилось

тѣмъ, что Еврейскій мальчикъ, играя съ другими на улицѣ, сказалъ: «три дня вылъ этотъ щенокъ и насилу издохъ.» Это слышали посторонніе люди; а потому, когда обезображенный трупъ былъ найденъ въ лѣсу пастушьей собакой и народъ сбѣжался, то уже знали за кого взяться. Кровь этого мученика найдена была между прочимъ въ другомъ городѣ, въ Позингенѣ. (Eisenmen. T. II. p. 223).

52 и 53) Въ 1566 г. въ Нарвѣ и въ Бѣльскѣ Жиды подозрѣвались въ томъ же преступленіи и успѣли исходатайствовать особое по сему повелѣніе Польскаго Короля Сигизмунда, коимъ опровергается подозрѣніе это, какъ нелѣпое, и Король предоставляетъ впредь подобные случаи своему собственному суду.

54) Въ 1569 г. въ Ленчицахъ (въ Польшѣ), въ Воловскомъ Монастырѣ, Жиды замучили двоихъ младенцевъ.

55) Въ 1570 г. Жиды изгнаны изъ Маркграфства Бранденбургскаго за то, что ругались надъ Св. тайнами.

56) Въ 1571 г. Жиды, въ Германіи, содрали кожу съ одного христіанина, по

имени Брагадинъ, и мученически его умертвили (Eisenmen. T. II. p. 219).

57) Въ 1574 г. въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Понѣ, Жиды замучили одного младенца;

58) Въ 1589 г. въ Вильнѣ, на предмѣстьи, — пятерыхъ;

59) Въ 1589 г. въ Тарновѣ, въ Глобицахъ, одного — за что виновные казнены были смертію.

60, 61 и 62) Въ 1590 г. въ Ольшовской Волѣ (въ Польшѣ), подъ Шидловцемъ, въ Курозвакахъ и Петерковѣ, Жиды замучили троихъ дѣтей.

63) Въ 1593 г. тамъ же, одна женщина продала Евреямъ троихъ украденныхъ ею дѣтей.

64) Въ Красноставцахъ замученъ такимъ образомъ студентъ, или ученикъ школы.

65) Въ 1597 г. въ Шидловцѣ, Жиды окропили школу свою кровью замученнаго ими ребенка, что и записано въ судебныхъ книгахъ. Это согласно съ обрядомъ Еврейскимъ, помазывать двери въ домахъ своихъ кровью Пасхальнаго агнца, а равно и съ вышепомѣщенными показаніями о семъ предметѣ Унтеръ–Офицера изъ

Евреевъ Савицкаго и свидѣтельствомъ Пикульскаго, что Евреи помазываютъ этою кровью двери въ домѣ христіанина. Также точно они не только ѣдятъ сами опрѣсноки съ кровью и сладкіе пирожки, изготовляемые къ празднику Пуримъ, но охотно угощаютъ ими и Христіанъ.

66, 67 и 68) Въ 1598 г. въ Люблинѣ, въ Колѣ и Кутнѣ (въ Польшѣ), замучены Жидами три младенца, о чемъ существуетъ печатное дѣлопроизводство; въ особенности замѣчателенъ декретъ Люблинскаго Трибунала. Младенецъ Албертъ найденъ въ лѣсу, при деревнѣ Возники, исколотый, изрѣзанный. Евреи были изобличены, но упорно запирались; подъ пыткою всѣ пять человѣкъ, допрошенные порознь, показали одно и тоже, сознавшись во всемъ и повторили гласно показанія свои въ Судѣ и вприсутствіи нарочно призванныхъ для сего Евреевъ. Это также было о Пасхѣ. Жидъ Яхимъ показалъ, что не участвовалъ въ убійствѣ, а видѣлъ случайно кровь младенца, въ горшкѣ, и даже отвѣдалъ ее, обмакнувъ палецъ, полагая, что это медъ. Марко, богатый арендаторъ, у котораго

жилъ Яхимъ, и жена Марка, не велѣли ему никому сказывать о томъ, что видѣлъ, но не открыли ему тайны, для чего нужна эта кровь; Яхимъ однако же слышалъ давно отъ другихъ Жидовъ, что имъ кровь точно нужна.

Ааронъ сознался, что онъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ, украли младенца, когда возили солодъ, и передали Зельману, который зарѣзалъ его, собралъ кровь и нанялъ работницу Настасью, чтобы вынести трупъ въ лѣсъ. Ааронъ впослѣдствіи нѣсколько разъ повторилъ свое показаніе, не отрекаясь болѣе отъ словъ своихъ, — но не каялся, а показывалъ закоснѣлое изувѣрство, даже когда узналъ о смертномъ приговорѣ.

Исаакъ также сознался, показалъ всѣ мелочныя обстоятельства, согласно съ Аарономъ, и дополнилъ отвратительною, подробною картиною, объ истязаніи и смерти мученика. По словамъ его кровь была роздана и употреблена въ опрѣсноки.

Мошко, изъ Медзержица, показалъ совершенно тоже, и объяснилъ причину, для чего Жиды замученныхъ младенцевъ не

хоронять, сказавъ, что это противно вѣрѣ ихъ; его надо выкинуть, а не зарывать. Правило это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сказано было объ этомъ предметѣ выше, о показаніяхъ крещеннаго Раввина Серафиновича.

Работница Настасья, Христіанка, созналась во всемъ безъ пытки; она присовокупила, что Еврейка, хозяйка ея, сказала ей, вынося вмѣстѣ съ нею трупъ, — что если бы предать его землѣ, то всѣ бы Евреи погибли. Виновные были казнены*.

Въ XVII столѣтіи.

69) Въ 1601 г., въ Чаграхѣ (въ Польшѣ), Евреи умертвили дѣвочку.

70) Въ 1606 г., въ Люблинѣ, мальчика.

71) Въ 1607 г., въ Зволынѣ (въ Польшѣ), мальчика, котораго нашли въ водѣ обезображеннымъ, съ отрѣзанными членами.

72) Въ 1610 г. въ Сташевѣ (въ Польшѣ), Еврей Шмуль укралъ младенца, продалъ его въ Шидловецъ, гдѣ Жиды схвачены въ то самое время, когда истязали жертву

* Eisenm. T. II, p. 233. Tentzel, Monatl. Unterredungen, Iuli 1693; Papebroch, T. II, Aprill.

свою. Евреи четвертованы, а тѣло младенца положено въ каплицѣ, съ надписью: Filius Iohannis Koval et Susannae Nierychotovskiae, civium Staszowiensium, cujus vox sanguinis vindectum clamat ut Iudei nominis Christiani hostes pellantur Stasovie; — то есть: сынъ Ивана Коваля и Сузаны Нерихотовской, гражданъ Сташевскихъ, коего гласъ кровавой мести взываетъ объ изгнаніи изъ Сташева Евреевъ враговъ Христіанскаго имени.

73) Въ 1616 г., апрѣля 24, въ Вильнѣ, Жидъ Бродавка умертвилъ младенца Яна, сына крестьянина помѣщика Олесницкаго.

74) Въ 1617 г. въ Сельцахъ, подъ Луковымъ, замученный Евреями младенецъ отысканъ и положенъ въ Коллегіатѣ, въ Люблинѣ.

75) Въ 1626 г. въ Сохачевѣ, нѣсколько Христіанскихъ дѣтей были украдены и убиты Жидами.

76) Въ 1628 г. въ Сендомирѣ, Жиды замучили двоихъ дѣтей Аптекаря.

77) Въ 1636 г. послѣдовалъ декретъ Люблинскаго Трибунала по подобному дѣлу: Жиды пригласили подъ какимъ-то

предлогомъ Кармелитскаго Лаика (послушника) и кинувшись на него внезапно, выпустили изъ него много крови и, угрожая смертію, обязали страшною клятвою не обнаруживать происшедшаго. Но вслѣдствіе этого насилія, послушникъ отчаянно занемогъ, сознался во всемъ Настоятелю, а самъ вскорѣ скончался, принявъ однако же присягу въ справедливости его показанія. На этомъ основаніи, Евреи были казнены.

78) Калишской Губерніи, въ городѣ Ленчицахъ, въ Костелѣ Бернардиновъ, находится по нынѣ трупъ замученнаго Евреями младенца. Потомки виновныхъ долгое время обязаны были носить по городу, ежегодно въ день преступленія, картину, изображавшую участвовавшихъ въ этомъ Жидовъ, кои были казнены. Впослѣдствіи обычай этотъ вывелся, а на Евреевъ наложена была вмѣсто того, въ пользу монастыря, денежная пеня.

79) Въ 1639 г. ребенокъ замученъ Жидами въ Комошицахъ.

80) Въ 1639 г. въ Ленчицахъ случилось подобное происшествіе, коего подлинные

акты недавно еще были сохранены, и изъ нихъ сдѣлана выписка: крестьянинъ Мендыкъ былъ обольщенъ Жидами и продалъ ребенка крестьянина Михалковича Раввину Мейеру. Собравшись ночью, Жиды замучили ребенка точно такимъ образомъ, какъ бывало во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: они искололи его по всему тѣлу и выпустили изъ него кровь, а трупъ возвратили тому же крестьянину Мендыку. Укоръ совѣсти заставилъ этого человѣка донести на себя и на Жидовъ; при чемъ онъ показалъ, что прежде того продалъ имъ еще двухъ ребятъ. Мендыкъ подтвердилъ тоже подъ присягой и на двукратной пыткѣ огнемъ, равно на лобномъ мѣстѣ, передъ казнію. Такимъ образомъ Мендыка, за сознаніе четвертовали; а Жиды, которые упорно ни въ чемъ не сознались, были высшимъ судомъ оправданы. Это былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ замѣчательныхъ уроковъ Христіанамъ, не сознаваться и не уличать Жидовъ въ такомъ ужасномъ злодѣйствѣ.

81) Въ 1648 г., въ Иванишкахъ, Жиды замучили и искололи ребенка, а раны залили воскомъ.

82) Въ 1650 г., марта 21, въ Каденѣ колесованъ одинъ Жидъ за то, что умертвилъ ребенка, давъ ему восемь ранъ и обрѣзавъ пальцы на рукахъ. (Eisenmen. T. II. p. 223).

Въ 1649 г. Жиды истязали и умертвили младенцевъ:

83) Въ Хвостовѣ;

84) Въ Кіяхъ, не подалеку Пинчова;

85) Въ Негословицахъ, подъ Вацановымъ;

86) Въ Сециминѣ;

87) Въ Опатовѣ — и виновные казнены.

88) Въ 1655 году случилось тоІже въ Брежницѣ, подъ Сендомиромъ, гдѣ обвиненъ арендаторъ Цико.

89) Въ Островѣ, подъ Люблиномъ,

90) Въ Пращѣ.

91) Въ 1660 г. въ Тунгухѣ, (Tunguch, въ Германіи), Жиды на Пасху зарѣзали Христіанскаго ребенка, за что были сожжены до 45 человѣкъ. (Eisenm. T. II. p. 223).

92) Въ 1669 г. около Меца (во Франціи), Жидъ Леви укралъ ребенка, который найденъ былъ мертвымъ въ лѣсу; виновный былъ сожженъ. Подробности этого д®ла описаны въ книжечкѣ: Abrђgђ du procђs fait aux Iuifs de Mets, 1670.

93) Въ 1665 г. 12 Мая, Евреи въ Вѣнѣ мученически умертвили женщину, которую нашли, изрѣзанною на части, въ озерѣ. Такъ какъ подобныя злодѣянія повторялись и впослѣдствіи, то Жиды и были изгнаны Императоромъ въ 1701 году изъ Вѣны. (Eisenmen. T. II. p. 220).

Въ 1689 году были подобныя происшествія и виновные наказаны:

94) Въ Жулковѣ;

95) Въ Лембергѣ (Львовѣ);

96) Въ Цехановѣ;

97) Въ Дрогобецкѣ. Судьи, собравшіеся въ семъ послѣднемъ мѣстѣ по этому дѣлу, всѣ были отравлены.

98) Въ Минской Губерніи, у Слуцка, въ Святотроицкомъ монастырѣ, почіютъ мощи младенца Гавріила, замученнаго въ 1690 году Жидами. Въ надписи расказаны всѣ подробности этого происшествія;

злодѣйство совершено въ Бѣлостокѣ, трупъ найденъ въ густомъ хлѣбѣ, съ обычными въ сихъ случаяхъ знаками. Собаки открыли лаемъ своимъ тѣло младенца, признаннаго впослѣдствіи мѣстнымъ угодникомъ. Въ честь ему сложены молебныя пѣсни, извѣстныя подъ названіемъ тропаря и кондака. Еврей, арендаторъ Шутка, былъ главный убійца. О судебномъ производствѣ по сему дѣлу памятниковъ не осталось, по бывшимъ пожарамъ.

99) Въ 1694 г. умерщвленъ ребенокъ Жидами во Владимірѣ, на Волыни.

100) Тоже случилось въ 1697 г: въ Новомъ мѣстѣ, подъ Равою, и

101) Въ Вильнѣ, гдѣ нѣсколько Жидовъ, за мученическое убійство младенцевъ, были казнены.

Въ 1698 году:

102) Въ Воеводствѣ Бресткомъ, въ Заблудовѣ;

103) Въ Коднѣ, подъ Замостьемъ;

104) Въ Сендомірѣ;

105) Въ Рожанахъ; и

106) Въ Слонимѣ — Евреи замучили семерыхъ дѣтей; а въ Бродахъ отравили Епископа Цешейку.

107) Въ Цехановѣ и въ Бѣлой, въ 1699 г., Жиды были казнены на площади, передъ Синагогою, за то, что, опоивъ молодаго человѣка, Христіанина, выпустили изъ него кровь и уморили.

Въ XVIII столѣтіи.

108, 109 и 110) Въ 1705 году, въ Гродно, въ Цемейлевѣ и Ржешовѣ, Жиды замучили, къ Пасхѣ, трехъ Христіанскихъ дѣтей.

111) Въ 1750 году Жиды, по такомужъ происшествію, изгнаны были изъ Каменца-Подольскаго.

112) Въ 1753 году, въ Житомірѣ, былъ случай, разысканный во всей подробности и доказанный слѣдствіемъ и судомъ; самое рѣшеніе по сему дѣлу отыскано было въ Архивѣ въ 1831 году.

Въ Страстную Пятницу, 20 апрѣля 1753 года, въ деревнѣ Маркова Вольница, Жиды поймали вечеромъ трехлѣтняго младенца Стефана Студзитскаго, унесли его въ корчму, поили медомъ и кормили хлѣбомъ, размоченнымъ въ водкѣ, отчего

ребенокъ заснулъ и лежалъ спокойно за печкой. Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, Жиды собрались въ корчмѣ, завязали ребенку глаза, зажали ротъ клещами, и, держа надъ лоханью, кололи со всѣхъ сторонъ острыми гвоздями, качая и приподымая, для лучшаго истеченія крови. Когда страдалецъ испустилъ духъ, то трупъ былъ отнесенъ въ лѣсокъ, гдѣ онъ найденъ на другой же день. По очевиднымъ уликамъ, Еврейки Брейна и Фружа, безъ пытки, сознались въ этомъ убійствѣ, а мужья ихъ были ими уличены и также безъ пытки сознались. За тѣмъ прочіе были преданы пыткѣ и, повинившись, сдѣлали столь подробное описаніе этого злодѣйскаго преступленія, что уже конечно не могло оставаться никакого болѣе сомнѣнія. Евреи были казнены жестокою смертію въ Житомірѣ: Раввину Полоцкому и пяти другимъ Жидамъ сожжены подъ висѣлицею руки, обмотанныя смолистой пенькой, вырѣзано по три ремня изъ спины, а потомъ они четвертованы, головы посажены на колъ, а тѣла повѣшены; пятеро другихъ просто четвертованы, головы посажены на

колъ и тѣла повѣшены; одинъ, принявшій Св. крещеніе, обезглавленъ. Въ то время была написана картина изображающая трупъ младенца Студзитскаго, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ найденъ, исколотый по всему тѣлу. Подлинная картина вѣроятно цѣла еще донынѣ; она хранилась у Архіепископа Львовскаго.

113 и 114) Въ 1799 году, какъ видно изъ дѣлъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій,* было два подобныхъ случая: 1. Около Рѣжицы найденъ въ лѣсу мертвый человѣкъ, съ необыкновенными знаками и ранами на тѣлѣ: на кисти правой руки просѣчена, какъ бы долотомъ, рана; другая, повыше лѣваго локтя; третья, подобная, подъ лѣвой икрой и четвертая на спинѣ. Раны явнымъ образомъ были нанесены умышленно и въ нѣсколько пріемовъ; человѣкъ этотъ ночевалъ въ корчмѣ, у Жида, коего работникъ вывезъ его, въ этомъ положеніи, въ лѣсъ. Но слѣдствіе ничего не открыло, потому что всѣ взятые подъ стражу Евреи бѣжали и не были отысканы. 2. Въ томъ же году, передъ

* Дѣло Державина.

Еврейской Пасхой, въ Сеннинскомъ уѣздѣ, близъ жидовской корчмы, найденъ трупъ женщины, исколотый въ лице, на рукахъ и ногахъ и по всему тѣлу; но на платьѣ не оказалось никакого слѣда крови — изъ чего и видно, что она была раздѣта, исколота, лишена жизни, а потомъ обмыта и одѣта. По слѣдствію ничего не открыто.

Въ XIX столѣтіи.

115) Въ 1805 году, производилось дѣло въ Велижскомъ Повѣтовомъ судѣ, о найденномъ въ рѣкѣ Двинѣ тѣлѣ 12 лѣтняго мальчика Трофима Никитина; мальчикъ былъ зарѣзанъ и по всѣму тѣлу исколотъ, въ чемъ обвинялись три Жида, и въ томъ числѣ Хаимъ Черный, попавшійся вторично по такому же дѣлу въ 1823 году. По недостатку уликъ, дѣло предано волѣ Божіей; но въ послѣдствіи открылись важныя упущенія дѣлопроизводителей, за что на Земскій и Повѣтовый Суды наложена была пеня, но дѣло не переслѣдовано.

116) Въ 1811 году, передъ Пасхой, Витебской губерніи въ деревнѣ Помѣщицы Томашевской, пропалъ у крестьянина изъ

колыбели ребенокъ и хотя многія обстоятельства наводили подозрѣніе на Жидовъ, но слѣдствіемъ ничего не открыто.

117) Въ 1816 году, въ Гродно, о Пасхѣ, найдена мертвою крестьянская дѣвочка Адамовичева, у коей одна рука вырѣзана была изъ локтеваго сустава, а тѣло исколото во многихъ мѣстахъ. Въ этомъ злодѣйствѣ подозрѣвались Евреи и первое изслѣдованіе усилило подозрѣніе; но Евреи прислали депутатовъ въ С. Петербургъ, жалуясь на такое оскорбительное для нихъ подозрѣніе и приписывая его — очень хитро — ненависти Поляковъ, за приверженность Жидовъ къ Правительству. Вслѣдствіе сего и состоялось ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе отъ 28–го Февраля (объявлено 6–го Марта) 1817 года, «чтобы Евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи Христіанскихъ дѣтей по одному предразсудку, будто они имѣютъ нужду въ Христіанской крови, а что если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на Евреевъ — безъ предубѣжденія однакоже, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови — то

было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи и проч..» На семъ основаніи Гродненскому Губернскому Начальству сдѣлано было ВЫСОЧАЙШЕЕ замѣчаніе, и дѣло прекращено. Но, по настоянію Губернскаго Прокурора, который нашелъ неправильности и неполноту въ первоначальномъ слѣдствіи, оно было возобновлено черезъ 10 лѣтъ: Государственный Совѣтъ, принявъ въ разсужденіе 10 лѣтнюю давность и ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 1817 года, коимъ подобныя подозрѣнія на Евреевъ запрещено принимать, — положилъ: предать дѣло это забвенію. Крещенный Еврей Савицкій явился при семъ случаѣ, вызвавшись изобличить Жидовъ, если только его обезпечатъ, отъ угрожающей ему въ семъ случаѣ опасности; но Государственный Совѣтъ призналъ, что «такого рода изслѣдованія возбранены помянутымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніемъ.»

118) Въ 1821 году, на берегу рѣки Двины найдено тѣло Христины Слѣповронской и

въ убійствѣ ея подозрѣвались Жиды, хотя и ничего не открыто.

119) Въ 1821 году, около Пасхи, Могилевской губерніи, Чаусовскаго Уѣзда въ селѣ Голеняхъ найдено мертвое тѣло мальчика Лазарева, о коемъ по наружнымъ признакамъ судили, что онъ долженъ быть умерщвленъ изувѣрными Евреями. Губернаторъ началъ строгое слѣдствіе, но Жиды, приславъ опять депутатовъ въ С. Петербургъ, съ письмомъ Уѣзднаго Стряпчаго, изобличающимъ его въ намѣреніи къ злоупотребленіямъ, жаловались на такое оскорбительное для нихъ подозрѣніе, противное ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 1817 года. Дѣло было прекращено, а Губернскому Правленію сдѣлано замѣчаніе за то, что оно поступило вопреки помянутаго ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, принявъ подобное подозрѣніе на Евреевъ.

120) Въ 1823 году, Пасторъ Эртель обнародовалъ подобный случай, бывшій въ Баваріи. Это едва ли не послѣдній примѣръ въ Западной Европѣ. Съ тѣхъ поръ такія происшествія оглашались только въ

Польшѣ, въ нашихъ Западныхъ Губерніяхъ и на Востокѣ, въ Турціи, Сиріи и проч. (Was glauben die Juden? vom Pfarrer Oertel, Bamberg, 1823).

121) Въ 1823 г. случилось подобное происшествіе въ Велижѣ, Витебской Губерніи, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣлъ, по огромности производства, запутанности, большему числу прикосновенныхъ, по обнаруженнымъ при семъ случаѣ другимъ подобнымъ злодѣяніямъ, по продолжительности, а наконецъ и потому, что восходило, на окончательное рѣшеніе, до Государственнаго Совѣта. О семъ дѣлѣ есть столь точныя и полныя свѣденія, что оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, почему и будетъ объ немъ ниже говориться подробнѣе.

По поводу разбирательства Велижскаго дѣла, открыто было еще нѣсколько подобныхъ злодѣйствъ, но по всѣмъ симъ дѣламъ, рѣшеннымъ за одинъ разъ, улики и доказательства признаны недостаточными. Сюда принадлежали:

122) Убійство въ Велижѣ двухъ мальчиковъ крестьянскихъ, въ 1817 году. Первое показаніе объ этомъ сдѣлали: Работница Терентьева, которая сама привела, за деньги, мальчиковъ въ домъ Еврея Цетлина. Работницы Максимова и Ковалева, участвовавшія тоже въ этомъ дѣлѣ, сознались и подтвердили во всемъ показаніе первой; а Ковалева, будучи крѣпостной богатыхъ Евреевъ Берлиныхъ, которые купили цѣлое имѣніе на имя Уѣзднаго Казначея Сушки, — до того испугалась своего признанія, что, проплакавъ цѣлую ночь и утверждая, что она теперь пропала, удавилась. Мальчикамъ, по показанію этихъ женщинъ, Жиды остригли ногти, потомъ сдѣлали обрѣзаніе, качали ихъ въ бочкѣ, перевязали ремнемъ ноги подъ колѣнями, кололи по всему тѣлу, собирая вытекающую кровь, а мертвыхъ бросили съ пристани въ рѣку Двину. Показанія этихъ трехъ женщинъ, не смотря на запутанность ихъ, носятъ на себѣ, въ отвратительныхъ подробностяхъ своихъ, отпечатокъ неотвергаемой истины. — Такъ напримѣръ Ковалева, въ

слезахъ и въ страхѣ, расказывала, гдѣ и по какому случаю она видѣла, въ особомъ ларцѣ у Цетлиной, сухія кровяныя лепешки, изъ крови этихъ мальчиковъ, и часть крови, собранной въ серебрянный стаканъ, — присовокупляя, что кровь уже испортилась и пахла мертвечиной.

123) Она же, Ковалева, объявила при этомъ случаѣ, что по всей вѣроятности тѣже самые Жиды сгубили роднаго ея брата, Якова, но что она не смѣла объ этомъ говорить. По справкѣ оказалось, что малолѣтній Яковъ, въ 1818 году, умеръ будто бы отъ нанесенной самимъ себѣ по неосторожности раны; дѣло это, за давностію, оставлено было безъ вниманія.

124) По тому же дѣлу обнаружилось, что тѣже Велижскіе Евреи въ 1817 году истязали и умертвили Шляхтянку Дворжицкую, взрослую женщину, коей остатки найдены были въ лѣсу на слѣдующій годъ. И въ этомъ злодѣйствѣ участвовали тѣже двѣ развратныя, Русскія бабы и открыли всѣ мелочныя подробности его. Дворжицкую напоили пьяною, раздѣли, качали въ бочкѣ, били по щекамъ, ругались

надъ нею, положили на два стула, кололи въ разныхъ мѣстахъ и собирали кровь въ подставленную посуду; мертвую же обмыли, положили въ пошевни и вывезли за городъ, въ лѣсъ. Изъ этого происшествія между прочимъ видно, что Жиды, посягающіе на подобное дѣло, неограничиваются убійствомъ однихъ только младенцевъ, или мущинъ, но готовы воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, дабы убить Христіанина и взять кровь его для суевѣрныхъ обрядовъ. Впрочемъ, Терентьева именно показала, что не знаетъ, куда Жиды употребили кровь Дворжицкой; но замѣтила, что они, разсматривая кровь эту, находили ее черною и были ею недовольны.

125) По тому же дѣлу обнаружилось такое же убійство Жидами двухъ дѣвочекъ, нищихъ, въ 1819 году, въ Семичевской корчмѣ, около Велижа. И здѣсь возмутительныя подробности, во всемъ согласныя съ обстоятельствами и съ другими свѣденіями о подобныхъ дѣлахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ истинѣ происшествія. Многіе Жиды, оговоренные

по сему дѣлу, изобличены были въ совершенно–ложныхъ показаніяхъ и дерзкой лжи; такъ, между прочимъ, они увѣряли, что вовсе незнали и никогда не видали Терентьевой, тогда какъ доказано было, что они знали ее очень коротко и уже много лѣтъ, потому что она служила работницей у Жидовъ, въ томъ же мѣстѣ.

126) По тому же дѣлу обнаружилось убійство въ Брусовановской корчмѣ еще четырехъ дѣтей. Это случилось также передъ Пасхой, въ 1821 или 1822 году, въ голодное время, когда дѣти ходили по міру и Жиды, зазвавъ ихъ въ корчму, заперли порознь, а послѣ по одиночкѣ же умертвили, въ присутствіи множества другихъ Жидовъ, обыкновеннымъ мученическимъ образомъ. Соучастницы Жидовъ, Максимова и Терентьева, назвали поименно большую часть виновныхъ, описавъ во всей подробности, какъ преступленіе было совершено, кто гдѣ стоялъ, что говорилъ и дѣлалъ. Одинъ Жидъ доведенъ былъ уликами до того, что, мѣшаясь и теряясь, зарыдавъ, сказалъ въ присутствіи Коммисіи: «Если кто изъ семьи

моей признается, или кто другой скажетъ все это, — тогда и я признаюсь.» Другіе Жиды или упорно молчали, или выходили изъ себя и неистово кричали и угрожали свидѣтелямъ.

Ко всему этому присоединилось еще особое дѣло, о поруганіи Евреями Св. Таинъ, полученныхъ подкупомъ, и антиминса, украденнаго нарочно для сего изъ церкви. Розысканіе показало справедливость этого доноса, раскрывъ всѣ подробности его; не менѣе того Жиды не сочли за нужное сознаться и дѣйствительно отдѣлались голословнымъ, упорнымъ запирательствомъ. Жиды при допросахъ въ присутствіи выходили изъ себя, кричали и бранились до того, что ихъ выводили вонъ и Коммисія не могла продолжать допросовъ. Объ этомъ дѣлѣ впрочемъ упоминается здѣсь только по связи его съ предыдущими.

127) Въ 1827 году, около Пасхи, Виленской губерніи въ Тельшевскомъ уѣздѣ, деревни помѣщика Дымши, пропалъ безъвѣсти семилѣтній ребенокъ Піотровичъ. Пастухъ Жуковскій объявилъ, что видѣлъ самъ, какъ Жиды поймали ребенка въ полѣ

и увезли; трупъ найденъ впослѣдствіи искаженный точно такимъ образомъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; Жиды путались при допросахъ, дѣлали ложныя показанія, снова ихъ отмѣняли и наконецъ изобличены въ злодѣяніи этомъ столько, сколько можно уличить людей, не имѣющихъ въ оправданіе свое ничего, кромѣ голословнаго запирательства. —

Несмотря на то, что въ этомъ случаѣ былъ даже одинъ посторонній свидѣтель, помянутый пастухъ, Жиды были оставлены только въ подозрѣніи. И это конечно уже доказываетъ, что всѣ улики, кромѣ сознанія, были на лицо; ибо во всѣхъ другихъ современныхъ намъ случаяхъ, помѣщенныхъ выше и ниже, Евреи всегда были оправдываемы. Къ этому должно еще присовокупить, что два Жида, кои начали было признаваться, найдены мертвыми: одинъ убитымъ, подъ мостомъ, другой отравленнымъ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что по случаю подобнаго производства, которое теперь не могло быть отыскано, признавшійся въ преступленіи Еврей, былъ найденъ повѣшеннымъ въ

школѣ Жидовской, при замкнутыхъ дверяхъ; несмотря на это, показаніе Жидовъ, что онъ самъ удавился, было принято.

128) Въ 1827 году, ребенокъ пропалъ въ Варшавѣ, за два дня до Пасхи; — очевидное подозрѣніе пало на Жидовъ, слѣды были открыты и ребенокъ, вопреки увѣреній и отрицательства хозяина дома, Жида, отысканъ у него въ сундукѣ. Несмотря на многія обстоятельства, обличавшія вопіющимъ образомъ виновныхъ, въ томъ, что они намѣрены были принести ребенка обычнымъ образовъ на жертву своему изступленному фанатизму — Жиды отдѣлались увѣреніемъ, что они сдѣлали это только для шутки. (Кіарини гл. 11).

129) Въ книгѣ: Путешествіе по Турціи Англичанина Вальша, 1828 года, говорится слѣдующее: «Константинопольскіе Христіане утверждаютъ, что Жиды, похищая дѣтей, приносятъ ихъ въ жертву, о Пасхѣ, вмѣсто Пасхальнаго агнца. Я былъ свидѣтелемъ большаго волненія между жителями: у Греческаго купца пропалъ ребенокъ и думали, что онъ украденъ и

проданъ въ рабство. Но вскорѣ тѣло его нашли въ Босфорѣ; руки и ноги были у него связаны, а особенныя раны и знаки на тѣлѣ показывали, что онъ былъ умерщвленъ необыкновеннымъ образомъ, съ какимъ–то особымъ, необъяснимымъ намѣреніемъ. Гласныя обвиненія пали на Жидовъ, потому что это случилось около Пасхи; но ничего не было открыто.»

130) Въ 1833 году, Минской Губерніи Борисовскаго уѣзда, жившій въ деревнѣ Плитчанахъ Еврей Орко заманилъ къ себѣ ушедшую отъ помѣщика крестьянку Феклу Селезневу и бывшую съ нею дѣвочку 12 лѣтъ Ефросинью, и, по показанію первой, уговорилъ ее, обѣщавъ за это 30 цѣлковыхъ*, согласиться на убійство послѣдней, для того, чтобы добыть изъ нея кровь. Трупъ былъ найденъ, а на немъ, кромѣ признаковъ удушенія, рана на вискѣ, откуда, по показанію Феклы, Орко выпустилъ кровь въ бутылку; онъ говорилъ ей, что кровь эта необходима ему для какой–то беременной родственницы, при родахъ коей нужна христіанская кровь, для

* Выше было говорено, что Жиды стараются купить на сей предметъ ребенка у Христіанина за 30 монетъ въ память предательства Іуды.

помазанія глазъ ребенка. Уговаривая Феклу, Орко сказалъ: «хоть бы отъ мизинца достать крови, очень нужно и безъ этого никакъ нельзя обойтись.» Въ домѣ Жида, и частію даже на женѣ и дочери его найдено снятое съ убитой платье; Фекла, послѣ запирательства и противорѣчія, расказала всѣ подробности этого убійства и какимъ образомъ Орко нацѣдилъ крови въ бутылочку; впослѣдствіи Жиды были уличены въ подкупѣ подсудимой Феклы, что бы она приняла все одна на себя, а Жидовъ не выдавала; Орко уговаривалъ также мать убитой, что бы она не искала дочери своей, которая живетъ на хорошемъ мѣстѣ; онъ же силою и дракою недопускалъ къ обыску сарая, гдѣ, по указанію Феклы, найденъ былъ трупъ; жена и дочь Орки и самъ онъ путались безпрестанно въ ложныхъ показаніяхъ. Вслѣдствіе всего этого Орко былъ обвиненъ въ убійствѣ, но, на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 1817 года, коимъ запрещено подозрѣніе въ употребленіи Евреями Христіанской крови, вопросъ этотъ устраненъ.

131) Волынской Губерніи въ Заславскомъ уѣздѣ случилось въ 1833 году слѣдующее:

Крестьянинъ Графа Грохольскаго Прокопъ Казанъ, явился 20 Марта въ экономическое Правленіе и объявилъ знаками, что на пути въ деревню Волковцы напали на него три Жида и отрѣзали ему языкъ. Когда рана поджила, то онъ расказалъ слѣдующее: «Я былъ настигнутъ Евреями, когда перешелъ лѣсъ, на перекресткѣ между деревнями Городищемъ и Серединцами. — Поравнявшись со мною, сначала подошелъ ко мнѣ одинъ Жидъ и разговаривая шелъ рядомъ; потомъ присоединился къ намъ другой, а наконецъ и третій. Ничего не подозрѣвая, я безпечно отвѣчалъ на вопросы ихъ, какъ вдругъ одинъ, отставъ не много, схватилъ меня сзади и повалилъ; другіе бросились и начали давить мнѣ грудь и душить за горло, такъ сильно, что я пришелъ въ безпамятство и вѣроятно высунулъ языкъ. Пришедъ отъ боли въ чувство, я увидѣлъ себя поставленнымъ на колѣни съ наклоненною головой; одинъ Еврей

поддерживалъ мою голову, а другой подставлялъ подъ ротъ чашку, въ которую кровь сильно лилась; въ такомъ положеніи, безпрестанно подталкивая меня въ бока и затылокъ, вѣроятно для усиленія кровотеченія, держали они меня до тѣхъ поръ, пока чашка не наполнилась кровью больше чѣмъ до половины; тогда, взявъ миску съ кровью и отнявъ у меня 12 р. серебромъ, найденные мною на ярмаркѣ, сѣли они въ свою бричку и уѣхали. Это случилось около полудня; отъ истеченія крови я опять обмеръ; а когда пришелъ въ себя, то солнце было уже низко. Евреи ѣхали въ бричкѣ, запряженной тремя гнѣдыми и одной бѣлой лошадьми.»

Заславскій Городничій собралъ немедленно всѣхъ тамошнихъ Евреевъ–фурмановъ, поставилъ ихъ въ два ряда и призвавъ Казана, приказалъ ему узнавать между ними преступниковъ. Казанъ три раза прошелъ по рядамъ и не могши еще говорить, показалъ знаками, что здѣсь ихъ нѣтъ. Провѣривъ наличныхъ Евреевъ по списку, Городничій нашелъ, что въ числѣ ихъ недостаетъ трехъ, именно: Ицка

Малаха, Шая Шопника и Шлемы Калія. Ихъ призвали, поставили въ ряды и снова позвали отпущеннаго уже Казана. Едва онъ подошелъ, какъ тотчасъ же указалъ на Ицку Малаха, стараясь всячески дать знать, что это тотъ самый, который отрѣзалъ ему языкъ; въ Шопникѣ узналъ онъ того, который его держалъ; въ Каліѣ нашелъ сходство съ третьимъ участникомъ преступленія, не утверждая однакоже положительно, что это онъ. Казанъ твердо стоялъ въ своемъ показаніи, даже послѣ духовнаго увѣщанія.

Евреи запирались. Малахъ увѣрялъ, что онъ уже десять дней какъ не выѣзжалъ изъ гѓрода; Шопникъ, что онъ ѣздилъ и воротился именно 20 числа, но съ Евреемъ Рѣзникомъ и на одной лошади; Калій, что также былъ въ это время въ городѣ. Каждый представилъ свидѣтелей.

Показаніе Калія, повидимому, подтвердилось; слова Шопника отчасти также, но съ нѣкоторымъ разнорѣчіемъ относительно времени; изъ свидѣтелей же представленныхъ Малахомъ двое Евреевъ, и въ томъ числѣ хозяинъ его, Гирштель,

вовсе отъ свидѣтельства отказались; а подтвердили показаніе его только одинъ Еврей, одна Еврейка, дворникъ и отецъ его, рядовой Инвалидной команды, человѣкъ наказанный за дурное поведеніе шпицрутеномъ и переведенный въ инвалидъ, а сверхъ того, находившійся караульнымъ при Малахѣ.

Между тѣмъ были распрашиваемы жители селеній сосѣднихъ съ мѣстомъ, гдѣ случилось происшествіе. Изъ нихъ многіе показали, что видѣли въ этотъ день трехъ Евреевъ, ѣхавшихъ по тому направленію; другіе, что только видѣли Евреев, но куда они ѣхали, не замѣтили, равно не помнятъ, ни масти, ни числа ихъ лошадей; третьи показали, что дѣйствительно проѣзжали Евреи на подобныхъ лошадяхъ, но не замѣтили, сколько человѣкъ и куда поѣхали; одинъ объявилъ, что онъ видѣлъ именно трехъ Евреевъ, проѣзжавшихъ черезъ с. Городище, на трехъ гнѣдыхъ и одной бѣлой лошади; а Заславскій Полицейскій Чиновникъ положительно удостовѣрялъ, что только Еврей Малахъ выѣзжалъ изъ города на трехъ гнѣдыхъ и

одной бѣлой лошадяхъ, и что въ это время ни брички, ни лошадей такихъ, ни у кого другаго изъ Заславскихъ Евреевъ не было. Онъ не могъ только сказать положительно, ѣздилъ ли Малахъ куда нибудь въ самый день происшествія.

Врачебная Управа, свидѣтельствовавшая Казана, нашла что языкъ отрѣзанъ дѣйствительно острымъ орудіемъ, но чтобы это сдѣлано было насильственно, Управа признала невозможнымъ; вопервыхъ, по невозможности тремъ человѣкамъ совершить подобное насиліе, а во вторыхъ, потому, что у Казана ни на тѣлѣ, ни на платьѣ, кромѣ нижняго, о которое, по словамъ его, онъ вытерся, прійдя въ чувство, крови нигдѣ не оказалось; чего при насиліи избѣжать было бы невозможно.

Новоградволынскій Магистратъ, рѣшилъ: Евреевъ оставить въ сильномъ подозрѣніи.

Уголовная Палата постановила: оставить ихъ свободными.

Губернаторъ далъ мнѣніе, что онъ считаетъ Еврея Малаха уличеннымъ и полагаетъ сослать его въ Сибирь; Шопника

оставить въ подозрѣніи и перевесть на жительство въ другой городъ; Калія, подвергнуть полицейскому надзору на мѣстѣ жительства.

Правительствующій Сенатъ, основываясь: 1. на заключеніи Врачебной Управы; 2. на доказательствахъ Евреевъ, о бытности ихъ во время происшествія безвыѣздно въ городѣ, кромѣ Шопника, доказавшаго, что онъ ѣздилъ съ Рѣзникомъ; 3. на общемъ одобреніи поведенія Евреевъ; 4. на томъ, что Казанъ а) необъявилъ немедленно о найденныхъ имъ 12–ти рубляхъ, b) бывалъ въ корчмахъ и пилъ, c) обманулъ брата, скрывъ настоящую причину своего ухода изъ дому, и потому, не смотря на одобреніе постороннихъ, съ дурной стороны выказалъ свое поведеніе, – постановилъ: 1. Жидовъ признать къ дѣлу неприкосновенными, 2. Казана, за ложный оговоръ ихъ, наказать плетьми двадцатью ударами, и оставить подъ надзоромъ Полиціи, въ подозрѣніи, что онъ самъ изуродовалъ себя изъ преступныхъ видовъ.

Здѣсь невозможно удержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній. И во 1) Врачебная Управа или сама, по простотѣ своей, была, обманута, или же, — что гораздо вѣроятнѣе, — обманула другихъ. Свидѣтельство ея во всякомъ случаѣ ложное, неосновательное. Если три человѣка повалятъ одного и будутъ душить его за горло, придавивъ грудь, до безпамятства, то у него не только ротъ откроется, но даже и языкъ высунется; стоитъ только придавить кадыкъ или гортань. Не менѣе ясно, отъ чего у Казана не было крови на одеждѣ: онъ очнулся отъ перваго обморока, стоя на колѣняхъ, съ наклоненною впередъ, надъ посудой, головою, и три Жида держали его; вскорѣ онъ опять обмеръ, и лежалъ, потерявъ много крови, отъ полудня до вечера. И такъ сначала кровь бѣжала въ подставленную вплоть ко рту чашку, потомъ, на все время обморока, остановилась, запеклась на языкѣ и когда онъ вторично пришелъ въ себя, то уже кровотеченія не было, а потому и платье не было окровавлено.

132) Въ 1840 году, во время Пасхи, Католическій Священникъ, Отецъ Ѳома, жившій въ Дамаскѣ, отправился со служителемъ своимъ въ Еврейскій кварталъ, и оба пропали безъ вѣсти. Обвиненія пали на Жидовъ; все Христіанское населеніе Дамаска поднялось и негодованіе воспламенило даже Мусульманъ. Французскій Консулъ, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что злодѣяніе совершено было Евреями, розыскивалъ самъ, побуждалъ всѣми средствами Турецкое Правительство къ дѣйствію и настаивалъ на обвиненіи и казни Жидовъ; Австрійскій консулъ, къ вѣдомству коего Жиды отчасти принадлежали, противодѣйствовалъ и отстаивалъ Жидовъ. Ужасныя пытки вынуждали изъ сихъ послѣднихъ сознаніе во всѣхъ подробностяхъ злодѣйства; нѣсколько человѣкъ даже не могли пережить безчеловѣчныхъ мученій, а потому теперь въ Европѣ утверждаютъ, что сознаніе ихъ было вынужденное и ложное. Но сознаніе это во всѣхъ подробностяхъ своихъ одинаково, въ допросахъ нѣсколькихъ

Жидовъ, а притомъ остатки изрубленнаго на куски Патера и служителя его найдены въ разныхъ мѣстахъ, по указанію сихъ Жидовъ, и между прочимъ найдена тамъ же часть шапки или берета погибшаго, и всѣ знавшіе его признали немедленно эти лоскутья. Еврейскія посольства съ подарками, изъ Парижа и Лондона въ Александрію, прекратили дѣло и Жиды, оставшіеся въ живыхъ, были освобождены*.

133) Въ текущемъ 1844 году высшее судилище Порты произнесло рѣшеніе, по обвиненію Жидовъ, живущихъ на островѣ Мармарѣ, въ мученическомъ убіеніи Христіанскаго младенца, который найденъ былъ истерзаннымъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Жалоба принесена была Греческимъ Патріархомъ; но по настоятельному представительству Англійскаго Посланника — какъ именно сказано было въ газетахъ, — Порта не признала Жидовъ виновными, а приговорила еще Патріарха къ уплатѣ проторей.**

---

* Der neue Pitaval, Leipzig, 1842, T. I.

** Gazette des Tribunaux, 1844, le 13 Mai.

134) Въ Апрѣлѣ 1843 года, также около Пасхи, былъ у насъ въ Россіи опять замѣчательный случай въ этомъ родѣ, хотя не столько злодѣйскій, потому что обошелся безъ убійства: — Въ Витебской Губерніи, въ городѣ Луцкѣ два Еврея, братья Берко и Шмарія Клепачи, схвативъ 15-ти лѣтнюю дѣвушку Щербинскую, сдѣлали ей насильственное кровопусканіе, собравъ кровь въ стаканъ. Не смотря на всѣ улики, Берко и Шмарія отъ всего отпирались и не могли быть ни уличены, потому что свидѣтелей небыло, ни доведены до сознанія. Генералъ-Губернаторъ старался собрать по сему поводу секретныя свѣденія на мѣстѣ и нашелъ, что хотя свѣденія сіи недостаточны для положительнаго заключенія, но что они подкрѣпляютъ издавна существующее повѣрье, о употребленіи Жидами Христіанской крови, для какихъ-то изувѣрныхъ обрядовъ.

Дѣло Велижское.

Оканчивая симъ рядъ выбранныхъ изъ разныхъ книгъ и дѣлъ примѣровъ, служащихъ доказательствомъ

существованія между Евреями такого обряда, который нерѣдко ведетъ къ убійству Христіанъ и въ особенности младенцевъ, должно еще принять въ разсужденіе, что приведенные примѣры, хотя ихъ и не мало, конечно составляютъ небольшую только часть дѣйствительно бывшихъ случаевъ, — потому что далеко не всѣ они обнаруживались, не всѣ сохранились въ письменныхъ памятникахъ, и наконецъ далеко не всѣ могли быть собраны: всѣ подобныя дѣла, оконченныя производствомъ въ низшихъ и среднихъ мѣстахъ, не могли быть включены, потому что объ нихъ не имѣлось здѣсь свѣденій; равно и тѣ случаи, по коимъ вовсе ничего не открыто, а всѣ свѣденія объ нихъ ограничиваются показаніемъ въ вѣдомостяхъ о происшествіяхъ, что тамъ–то ребенокъ пропалъ безъ вѣсти. Но для положительнаго удостовѣренія, что обвиненіе это не есть клевета или вымыселъ, и что не одна пытка среднихъ вѣковъ вымогала изъ Жидовъ это ужасное сознаніе, остается разобрать нѣсколько ближе одно изъ новѣйшихъ дѣлъ этого

рода — на примѣръ, дѣло Велижское, начавшееся 24–го апрѣля 1823 года въ Велижской городской Полиціи и конченное 18 Января 1835 года, черезъ 12 лѣтъ, въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Дѣло это замѣчательно большими подробностями своими, многократно возобновленными розысканіями и ясностію всѣхъ уликъ, — не исключая даже и собственнаго сознанія нѣкоторыхъ, хотя и не вполнѣ выговореннаго. Но чтобы могло заставить Евреевъ сознаться въ подобномъ преступленіи, составляющемъ религіозную, фанатическую тайну, а притомъ чего бы могли преступники ожидать отъ этого? Напротивъ, упорное, наглое, голословное запирательство спасало ихъ всегда почти, и спасло также на этотъ разъ.

22–го апрѣля 1823 года солдатскій сынъ Федоръ Емельяновъ, 3 1/2 годовъ, пропалъ въ Велижѣ безъ вѣсти. Это было въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Трупъ мальчика найденъ, на Ѳоминой недѣлѣ, за городомъ, въ лѣсу, въ такомъ видѣ, что уже никто изъ жителей не могъ сомнѣваться въ истинѣ возникшаго

подозрѣнія и распространившихся, черезъ какую–то ворожею, глухихъ слуховъ, а именно, что мальчикъ былъ звѣрски замученъ Жидами. По всему тѣлу были накожныя ссадины, будто кожу сильно чѣмъ нибудь терли; ногти были острижены вплоть до т®ла; по всему тѣлу множество небольшихъ ранъ, будто проткнутыхъ гвоздемъ; синія, затекшія кровью нѓги, доказывали, что подъ колѣнами положена была крѣпкая повязка; носъ и губы приплюснуты, также отъ бывшей повязки, которыя оставила даже багровый знакъ на затылкѣ, отъ узла; а наконецъ, надъ мальчикомъ произведено было Еврейское обрѣзаніе. Все это доказывало неоспоримо, какъ отозвался подъ присягою врачъ, что ребенокъ замученъ съ умысломъ, разсудительно; изъ состоянія же внутренностей видно было, что онъ содержался нѣсколько дней безъ пищи. Злодѣяніе совершено было сверхъ того на обнаженномъ ребенкѣ, а тѣло впослѣдствіи обмыто, и одѣто; ибо на бѣльѣ и платьѣ не было никакого признака крови. По слѣдамъ и колеямъ около того мѣста, гдѣ трупъ

лежалъ, было видно, что парная повозка или бричка подъѣзжала съ дороги къ этому мѣсту, а трупъ отнесенъ оттуда къ болоту пѣшкомъ. Подозрѣніе объявлено было родителями и другими людьми на Жидовъ, и другой причины мученической смерти невиннаго младенца никто не могъ придумать.

Между тѣмъ обнаружилось, что солдатка Марья Терентьева еще прежде, чѣмъ трупъ былъ найденъ, ворожила и объявила матери, будто сынъ ея еще живъ, сидитъ въ погребѣ у Евреевъ Берлиныхъ, и ночью будетъ замученъ; тоже предсказала 12–ти лѣтняя дѣвочка Анна Еремѣева, больная, которая обмирала и славилась въ народѣ тѣмъ, что предугадываетъ. У Берлиныхъ сдѣланъ былъ въ домѣ обыскъ, но ничего подозрительнаго не найдено; хозяинъ объявилъ, что пі́ггреба у него въ домѣ нѣтъ; но ихъ нашлось два, хотя находка эта и ни къ чему не послужила; осмотръ же дѣлали одинъ Квартальный Надзиратель съ Ратманомъ, во первыхъ Евреемъ, а во вторыхъ близкимъ родственникомъ Берлиныхъ, у котораго въ

домѣ мальчикъ былъ скрытъ на время обыска.

Шмерка Берлинъ былъ купецъ, человѣкъ весьма зажиточный, почетный между Евреями и жилъ хорошо; теща его Мирка также слыла богатою, и домъ этотъ составлялъ большое, зажиточное семейство. Берлины владѣли даже населеннымъ имѣніемъ Краснымъ и крѣпостными людьми, купленными на имя Уѣзднаго Казначея Сушки. Ближайшіе родственники Берлиныхъ были Арансоновы и Цетлины, а за тѣмъ еще множество другихъ семей въ Велижѣ, Витебскѣ, и другихъ сосѣднихъ городахъ.

Семь женщинъ показали подъ присягой, что рано утромъ, въ тотъ же день, когда найденъ трупъ, видѣли парную жидовскую бричку, проскакавшую во всю прыть по той дорогѣ, гдѣ тѣло найдено, и возвратившуюся вскорѣ опять въ городъ; а одна свидѣтельница утверждала положительно, что въ бричкѣ сидѣлъ Іосель, прикащикъ Берлина, съ другимъ Жидомъ. Берлины, прикащикъ ихъ и кучеръ утверждали, что никуда не ѣздили и

что у нихъ даже кованой брички нѣтъ; а обнаружилось, что Іосель точно пріѣзжалъ въ это время самъ–другъ къ Берлину въ кованной бричкѣ, которая и стояла у послѣдняго на дворѣ. Но два Ратмана, Евреи, и въ томъ числѣ самъ Цетлинъ, стараясь отвести подозрѣніе, съ огромною толпою Жидовъ влрвались на дворъ, гдѣ присталъ пріѣзжій Ксендзъ, стали обмѣрять ширину хода колесъ и утверждали, что онъ переѣхалъ мальчика, – между тѣмъ какъ Орликъ и другіе Жиды распространяли слухъ, что ребенка точно переѣхали, или застрѣлили невзначай изъ ружья дробью, отчего и раночки по всему тѣлу, а потомъ бросили, что бы навести подозрѣніе на Жидовъ.

Слѣдователи ничего болѣе не открыли, не обратили вниманія на обстоятельство чрезвычайно важное, на предварительное объявленіе двухъ женщинъ, Терентьевой и Еремѣевой, что мальчикъ въ рукахъ у Евреевъ и даже именно у Берлиныхъ и что онъ вскорѣ погибнетъ. Одна изъ нихъ, Терентьева, была въ самомъ Велижѣ, другая Еремѣева, въ Сентюрахъ, въ 12–ти

верстахъ отъ города. Это таинственное предсказаніе неминуемо должно было дать ключь для всѣхъ розысканій, потому что оно явно и несомнѣнно доказывало прикосновенность поименованныхъ двухъ лицъ къ самому происшествію. Дѣло передано было въ Велижскій Повѣтовый Судъ, который 1824 года іюня 16 заключилъ: «по недостатку уликъ, Евреевъ освободить отъ обвиненія въ убійствѣ мальчика; но Ханну Цетлинъ и Іоселя оставить въ подозрѣніи, а Шмерку Берлина съ товарищами обвинить въ распространеніи ложныхъ слуховъ о смерти мальчика, который вѣроятно погубленъ Евреями!

Главный Судъ 22 ноября согласился съ рѣшеніемъ этимъ, присовокупивъ, однакоже, что какъ ребенокъ явно умерщвленъ умышленно, то стараться раскрыть виновныхъ. Губернаторъ утвердилъ рѣшеніе и дѣло закончено.

Но въ 1825 году, во время проѣзда блаженныя памяти ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I–го чрезъ Велижъ, солдатка Терентьева подала Его ВЕЛИЧЕСТВУ просьбу, въ коей называла

мальчика Федора Емельянова сыномъ своимъ и жаловалась, что онъ погубленъ Жидами. По сему поводу дѣло было возобновлено, слѣдствіе поручено сначала особому чиновнику, подъ наблюденіемъ Генералъ Губернатора; потѓмъ прислалъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Флигель–Адъютантъ, послѣ Генералъ–Маіоръ Шкуринъ, составлена цѣлая слѣдственная Коммисія, подъ конецъ присланъ еще отъ Сената Оберъ Прокуроръ, и повелѣно внести дѣло прямо въ Правительствующій Сенатъ. – Будучи уже само по себѣ обширно и чрезвычайно запутано, оно сдѣлалось еще болѣе сложнымъ, когда раскрылись при семъ случаѣ шесть или семь другихъ подобныхъ дѣлъ: – о похищеніи антиминса; о поруганіи Жидми надъ нимъ и надъ Св. Тайнами; о обращеніи трехъ Христіанъ въ Еврейскую вѣру и о умерщвленіи еще нѣсколькихъ младенцевъ. Покрывало было сдернуто съ цѣлаго ряда ужаснѣйшихъ преступленій, исчадій неслыханнаго изувѣрства и послѣдствій гибельной безнаказанности. – Но здѣсь предполагается прослѣдить только одно изъ

нихъ, главное, о солдатскомъ сынѣ Емельяновѣ.

У Берлиныхъ была работница Прасковья Пиленкова (впослѣдствіи по мужѣ Козловская); у Цетлиныхъ Авдотья Максимова, — у Аронсоновыхъ Марья Ковалева, всѣ три Христіанки, но обжившіяся съ Жидами и привыкшія къ быту ихъ, обычаямъ и обрядамъ. Козловская была еще очень молода во время происшествія и вскорѣ потѓмъ вышла замужъ за Шляхтича; Ковалева была съ дѣтства безотвѣтная крѣпостная Аронсоновыхъ, которая, какъ показала впослѣдствіи, не смѣла даже объявить о весьма основательномъ подозрѣніи своемъ, что господа ея умертвили роднаго ея брата. Максимова была рѣшительная и развратная баба и вѣрный слуга Жидамъ за деньги и за вино. Марья Терентьева, крестьянка или солдатка, распутнаго поведенія, также служила въ Велижѣ, тутъ и тамъ, у Жидовъ, а частью только прислуживала по временамъ и готовая на все, какъ Максимова, за деньги и за водку, издавна

была главною ихъ помощницею при всѣхъ мерзкихъ и злодѣйскихъ дѣлахъ.

Терентьева при новомъ слѣдствіи сначала показала, что видѣла, какъ Ханна Цетлинъ, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, привела ребенка съ улицы домой, что пошла слѣдомъ за Ханной, которая напоила ее виномъ; что вечеромъ велѣли ей отнести ребенка, вмѣстѣ съ Максимовою, къ Берлинымъ, гдѣ Мирка посадила его въ погребъ; въ четвергъ на Святой, она видѣла мальчика уже мертвымъ, а кровь его стояла въ новомъ корытѣ; Жиды обмыли и одѣли трупъ, а Ханна поручила ей, Терентьевой, въ Ѳоминъ Понедѣльникъ отнести мальчика, вмѣстѣ съ Максимовою, ночью въ лѣсъ, что и было ими исполнено. Ее передопрашивали много разъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уговаривали, увѣщевали и она сперва призналась, что сама была у Берлиныхъ, вмѣстѣ съ Максимовою и Козловскою, когда истязали и замучили ребенка; потомъ, что сама привела его, по неотступной просьбѣ Жидовъ, къ Цетлинымъ; что послѣ перенесли его къ

Берлинымъ, и тамъ въ понедѣльникъ замучили; его раздѣли, посадили въ бочку, катали, положили на столъ, остригли ногти, сдѣлали обрѣзаніе, перевязали ремнями ноги подъ колѣнями; положили въ корытце; всѣ Жиды кололи мальчика гвоздемъ, выпустили кровь и передали его Терентьевой и Максимовой, чтобы закинуть его въ лѣсъ; но, какъ страдалецъ дышалъ еще, то ему завязали ротъ и носъ — а когда вынесли, то снявъ платокъ, увидали, что ребенокъ уже умеръ и положили его тамъ, гдѣ онъ найденъ.

Потѣмъ Терентьева, какъ прошло уже три года со времени происшествія, и притомъ она часто пьянствовала, сказала, что ошиблась въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, а теперь припомнила, что ногти остригъ ребенку не Еврей Поселенный, который сдѣлалъ обрѣзаніе, а Шифра Берлинъ; что она сама вынимала мальчика изъ бочки и понесла его въ Еврейскую школу; что ее же заставили перевязать ему ноги и уколоть его гвоздемъ; что наконецъ ее и Максимову одѣли въ жидовское платье и велѣли

вынести трупъ въ болото. Затѣмъ она и на другой день была опять съ Жидами, въ школѣ, разбалтывала и разливала, по ихъ приказанію, кровь мученика, а въ остаткѣ намочила кусокъ холста, который Еврей Орликъ изрѣзалъ въ лоскутки и роздалъ всѣмъ по кусочку. Боченочекъ съ кровью отнесла она въ угольный домъ съ зеленой крышей. Опять въ другой разъ она показала, что ребенка принесли не къ Миркѣ, а въ комнату дочери ея, Славки, въ томъ же домѣ; что его держали не въ погребѣ, а въ каморкѣ; что всѣ Жиды долго катали бочку, перемѣняясь попарно; что она, Терентьева, возила боченокъ съ засохшею крочью, по настоянію Жидовъ, въ Витебскъ. Съ нею ѣхали Жиды, коихъ она назвала поименно и явно было, что они, слѣдуя общему правилу своему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, употребили и на сей разъ Христіанку и притомъ пьяную, распутную бабу, какъ подставную преступницу, навязавъ ей на руки боченокъ съ кровью, чтобы въ случаѣ бѣды отречься отъ него и оставить одну ее виноватою. Въ Витебскѣ остановились у Жидовъ такихъ то

лѣтъ и примѣтъ; они распустили кровь въ водѣ и намочили холстъ, остальную жъ розлили въ бутылки, одарили и напоили Терентьеву и отправили съ нею одну бутылку съ кровью въ мѣстечко Лезну. Тутъ также намочили холстъ, разрѣзали и раздѣлили его. Терентьева добавила, что Жиды лестью и угрозами, что будетъ сослана въ Сибирь за убійство мальчика, заставили ее принять Еврейскую вѣру и описала весь обрядъ обращенія въ подробности; ее между прочимъ поставили на раскаленную сковороду, заставивъ клясться, зажимали ротъ, чтобы не кричала и держали; потѝмъ перевязали обозженныя подошвы мазью.

Солдатка Авдотья Максимова, работница Цетлиныхъ, въ теченіе допроса, который продолжался почти цѣлый годъ, въ разное время показала: что видѣла ребенка въ Понедѣльникъ на Святой недѣлѣ у хозяйки своей въ углу за кроватью; въ Среду видѣла его въ коморкѣ, въ сундукѣ, изъ коего все съѣстное было для сего выставлено на полъ; далѣе созналась, что Ханна Цетлинъ привела мальчика на дворъ,

а она, Максимова, сама принесла его въ комнату, потѓмъ Терентьева онтесла его къ Миркѣ Берлинъ; такимъ образомъ переносили его, скрывая, нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Въ Понедѣльникъ на Ѳоминой увидала она его въ погребѣ Мирки мертвымъ; ночью Іосель съ другимъ Жидомъ отвезли его въ бричкѣ къ Цетлинымъ; Максимовой велѣли обмыть его, одѣть и вмѣстѣ съ Жидами отвезти за городъ. На очной ставкѣ съ Терентьевой Максимова созналась однакоже во всемъ и подтвердила всѣ подробности ея показаній. Явно было, что обѣ бабы, обнаруживая преступленіе и главныхъ его виновниковъ, хотѣли сначала сами остаться въ сторонѣ; вотъ изъ чего вышло разнорѣчіе ихъ и первоначальныя неполныя показанія. Она показала, что когда Ратманъ Цетлинъ, мужъ Ханны, обыскивалъ съ Квартальнымъ домъ Берлина, то Жиды смѣялись, потому что ребенокъ находился въ это время въ домѣ самого Ратмана Цетлина; что и ее, Максимову, заставили принять Жидовскую вѣру, напоивъ пьяною и проч. Она во всей подробности разсказала весь обрядъ этотъ

въ школѣ, гдѣ наименована Рисой, и прибавила, что со времени убійства мальчика имѣла полную власть въ домѣ Цетлиныхъ, которые боялись ея, угождали ей, поили и кормили хорошо и со слезами упрашивали, если она стращала, что хочетъ отойти на другое мѣсто. Это обстоятельство подтвердила и дочь Максимовой, Меланья, сказавъ, что съ 1823 г. не хозяйка, а мать Меланьи была старшею въ домѣ. Это же подтвердили подъ присягой сторонніе свидѣтели, слышавшіе не разъ, какъ Максимова, пьяная, хвалилась, что «Цетлина не смѣетъ сослать ее со двора, хоть бы хотѣла, потому что она, Максимова, знаетъ такое дѣло, которое Ханну погубитъ.» Уличенная въ этомъ Ханна созналась, что Максимова точно говорила подобныя рѣчи «хотя и не понимает,къ чему она это говорила.»

Прасковья Козловская (Пиленкова), работница Берлиныхъ показала: ночью на первый день Пасхи, было тайное собраніе Жидовъ у Славки Берлинъ (дочери Мирки); въ Среду, видѣла она въ сѣняхъ какого то мальчика, который плакалъ. На

очной ставкѣ съ первыми, созналась и показала, что мальчика носили взадъ и впередъ къ Берлинымъ и Цетлинымъ; что Терентьева и Максимова были при ночныхъ сборищахъ, но ея, Козловской, не было; ее послали въ Понедѣльникъ вечеромъ въ питейную контору; подошедъ къ ставню, снаружи, она видѣла въ щель бочку, мальчика и Жидовъ, видѣла, кто раздѣвалъ, укладывалъ его, остригалъ ногти и проч. Затѣмъ мальчика понесли въ школу, а она спряталась, пошла слѣдомъ и въ окно школы видѣла, какъ его кололи, оборачивали въ корытцѣ, вынули, обмыли, одѣли; Терентьева и Максимова, одѣтыя въ Жидовское платье, взяли мальчика и понесли изъ школы, а она, Козловская, убѣжала. Затѣмъ она созналась, что боялась говорить правду и хотѣла устранить себя, но что она точно, по приказанію Мирки, сама участвовала въ этомъ злодѣяніи и была въ той же комнатѣ, а послѣ въ школѣ. Она подавала воду, катала въ свою очередь бочку, переодѣлась съ Терентьевой и Максимовой; первая завязала мальчику ротъ, когда понесли его

въ школу, а ей Іосель далъ нести бутылку и самъ несъ двѣ; Терентьеву первую заставили уколоть мальчика въ високъ, потомъ передали гвоздь Максимовой, за нею, ей Козловской, которая уколола ребенка въ плечо и передала гвоздь Іоселю; этотъ, передавъ гвоздь далѣе, повелъ ее къ шкапику, гдѣ хранятся заповѣди, заставилъ клясться въ вѣрности, обратилъ въ Жидовскую вѣру и назвалъ ее Лыя. Когда же обрядъ этотъ былъ конченъ и Козловская воротилась къ столу, то мальчикъ былъ уже не живой. Намочивъ холстъ въ крови, Терентьева и Максимова обмыли трупъ, одѣли, Іосель привелъ всѣхъ трехъ бабъ по Еврейски къ присягѣ, что будутъ хранить тайну; первыя двѣ понесли трупъ, а она бутылку съ кровью къ Славкѣ, за прочими Жидами. Когда тѣ воротились, сказавъ, что бросили трупъ въ болотѣ, то Славка дала имъ денегъ и всѣ Жиды остерегали ихъ, чтобы онѣ, поссорившись пьяныя, не проговорились какъ–нибудь; если же это случится, то сами останутся виновными и ихъ высѣкутъ кнутомъ, а Жиды всѣ отопрутся и будутъ правы.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго увѣщеванія и многихъ очныхъ ставокъ, по разнорѣчію, — коему, три года спустя послѣ происшествія въ пьяныхъ бабахъ нельзя и удивляться, — Максимова сказала, что давно уже покаялась на духу названнымъ ею тремъ Уніатскимъ Священникамъ, въ соучастіи въ этомъ преступленіи; а затѣмъ всѣ три — Терентьева, Максимова и Козловская — сдѣлали совершенно единогласное показаніе, удостовѣренное во всѣхъ подробностяхъ взаимнымъ подтвержденіемъ доказчицъ. Онѣ съ полною откровенностію разсказали все, напоминая другъ другу разныя обстоятельства и исправляя то, что, по забывчивости или по другимъ причинамъ, было сначала показано ими иначе. Вотъ общее единогласное и подробное ихъ показаніе:

«1823 года, въ Великій Постъ, за недѣлю до Еврейскаго Пейсаха, Шинкарка Ханна Цетлинъ напоила Терентьеву, дала ей денегъ и просила достать Христіанскаго мальчика. На первый день праздника

Терентьева увидала мальчика Емельянова у мосту* и сказала объ этомъ Ханнѣ. Эта, напоивъ ее, дала ей денегъ и кусокъ сахару, чтобы заманить ребенка – и Максимова была въ это время тутъ же, видѣла и слышала это. Терентьева привела мальчика, Ханна встрѣтила ихъ на улицѣ передъ домомъ, ввела на дворъ и передала Максимовой, которая внесла его въ комнаты. Тутъ же были: мужъ Ханны Евзикъ, дочь Итка и работница Риса. Терентьеву и Максимову напоили, дали имъ денегъ и онѣ уснули. Вечеромъ велѣли Терентьевой отнести ребенка къ Миркѣ Берлинъ; она принесла его въ комнату дочери ея, Славки, гдѣ было много Жидовъ; мальчика унесли въ каморку и обѣихъ бабъ напоили виномъ и дали денегъ. Во всю недѣлю Терентьева видѣла ребенка у Берлиныхъ, кромѣ среды, когда обращали ее въ Жидовскую вѣру и обожгли ноги. Максимова носила его обратно къ**

* Сестра мальчика, вышедшая вмѣстѣ съ нимъ изъ дома, показала, что онъ не хотѣлъ съ нею идти далѣе, а сѣлъ подлѣ моста.

** Посторонніе свидѣтели показали, что видѣли въ это утро Ханну, стоявшую у калитки своего дома; а одна, Косачевская, что видѣла, какъ Ханна вела за мальчика.

Цетлинымъ въ понедѣльникъ на Святой, что видѣла и Козловская, а во вторникъ рано опять назадъ. Она заходила съ ребенкомъ на кухню, спросить, всталиль Берлины, и тамъ видѣла ее и ребенка Козловская, кухарка Бася и дѣвка Генемихля — послѣднія обѣ Еврейки. Славка отперла дверь, на стукъ Максимовой, взяла ребенка и велѣла приходить за нимъ вечеромъ, когда опять понесли его къ Цетлинымъ, гдѣ онъ остался въ среду; Ханна приказала Максимовой выставить изъ сундука въ свѣтелкѣ съѣстное, туда положили ребенка соннаго и накрыли простыней.[***] Ханна велѣла неплотно закрывать крышку, а упереть ее на наметку, чтобы мальчикъ не задохся, и сказала, что въ полдень мужъ ея, Ратманъ, съ полиціею будетъ обыскивать домъ у Берлиныхъ, а вечеромъ говорила, смѣючись, что тамъ ничего не нашли. Въ четвергъ Максимова отнесла мальчика опять къ Миркѣ и Козловская видѣла его тамъ и спросила у кухарки Баси: чей онъ? Максимова не видала, чтобы

[***] Дочь Максимовой, по мужѣ Желнова, приходившая въ это время за чѣь-то къ Цетлинымъ, видѣлъ ребенка въ сундукѣ, въ рубашкѣ, или накрытымъ чѣмъ-то бѣлымъ — но второпяхъ хорошенько не разсмотрѣла.

мальчика послѣдніе дни кормили.[*] Въ понедѣльникъ на Ѳоминой, вечеромъ Ханна напоила обѣихъ бабъ виномъ, отвела ихъ къ Берлинымъ, гдѣ у Славки было въ сборѣ много Жидовъ. Мирка также напоила ихъ обѣихъ и просила впередъ, чтобы онѣ ночью утопили трупъ мальчика въ рѣкѣ. Онѣ принесли мальчика изъ каморки, раздѣли по приказанію Жидовъ и положили на столъ; Еврей Поселенный сдѣлалъ обрѣзаніе[**], а Шифра Берлинъ остригла ему ногти вплоть къ мясу. Въ это время Козловская возвратилась изъ питейной конторы; Славка вышла было къ ней въ сѣни, но замѣтивъ, что она уже видѣла койчто, позвала ее въ комнату, гдѣ Жиды стращали ее, что если она, гдѣ нибудь проговорится, то съ нею сдѣлаютъ тоже, что съ мальчикомъ; она поклялась, что будетъ молчать. Затѣмъ продолжали: Терентьева держала ребенка надъ тазомъ, Максимова обмывала его; положили головою впередъ въ бочку, въ которой

* Въ лекарскомъ свидѣтельствѣ. сказано, что желудокъ и кишки у мальчика были пусты, хотя самъ онъ хорошо кормленъ, изъ чего и должно заключить, что онъ послѣдніе дни передъ смертью ничего не ѣлъ

** Это также вполнѣ согласно частію съ врачебнымъ свидѣтельствомъ, а частію съ показаніемъ подъ присягой одинадцати свидѣтелей.

половина дна вынималась; Іосель заложилъ опять дно, сталъ катать бочку по полу съ Терентьевою, потомъ всѣ дѣлали тоже, смѣняясь по двое, часа два; ребенка вынули краснаго, какъ обозженнаго*; Терентьева завернула его и положила на столъ; всѣ три бабы одѣлись въ жидовское платье, понесли ребенка, завязавъ ему ротъ платкомъ, въ школу, а Жиды пошли за ними. Въ школѣ застали они толпу Жидовъ, положили мальчика на столъ, въ корыто, развязавъ ему ротъ; тутъ Орликъ Девирцъ распоряжался; Поселенный подалъ ремни, Терентьева связала мальчику ноги, подъ колѣнями, но слабо, и Поселенный самъ перетянулъ ихъ потуже. Терентьевой велѣли ударить мальчика слегка по щекамъ, а за нею всѣ прочіе сдѣлали то же; подали большой, острый и свѣтлый гвоздь и велѣли ей же уколоть ребенка въ високъ и въ бокъ; потомъ Максимова, Козловская, Іосель и одинъ за другимъ всѣ Жиды и Жидовки дѣлали тоже. Между тѣмъ Козловскую повели къ

*Это также вполне согласно частію съ врачебнымъ свидѣтельствомъ, а частію съ показаніемъ свидѣтелей.

заповѣдямъ въ шкапикѣ и обратили въ жидовскую вѣру, назвавъ Лыей.

Орликъ поворачивалъ въ корытцѣ младенца, который сперва кричалъ, а потомъ смолкъ, смотрѣлъ на всѣхъ и тяжело вздыхалъ. Онъ вскорѣ истекъ кровью и испустилъ духъ. Терентьева вынула его, развязала ему ноги, держала надъ другимъ корытцемъ, стоявшимъ на полу; Козловская подавала бутылки съ водой, Іосель обливалъ мальчика, а Максимова обмывала. Когда крови ничего не было на тѣлѣ, а только остались видны раночки, величиною съ горошину,* то велѣли одѣть и обуть трупъ и положить на столъ. Іосель повелъ всѣхъ трехъ бабъ къ шкапику и сказалъ: «какъ всѣ онѣ приняли Еврейскую вѣру, то должны по ней клясться,» и читалъ имъ большую Жидовскую книгу.

Затѣмъ Жиды ругались надъ похищеннымъ Терентьевою изъ Ильинской

* Это также согласно съ врачебнымъ свидѣтельствомъ и съ показаніемъ свидѣтелей.

церкви антиминсомъ, плевали на него, топтали ногами и проч.[**]

Между тѣмъ уже начинало свѣтать; Терентьева съ Максимовой боялись нести мальчика на рѣку, гдѣ иногда рано бываетъ народъ, и потому понесли его въ лѣсъ, на болото, у Гуторова Крыжа, гдѣ онъ и найденъ. По уходѣ ихъ Іосель налилъ крови въ одну бутылку и велѣлъ Козловской отнести къ Славкѣ; остальная кровь была оставлена въ корытцѣ, въ школѣ; возвращаясь изъ лѣса Терентьева и Максимова встрѣтили Іоселя самъ другъ въ парной бричкѣ[*]; они поѣхали наблюдать за бабами и Іосель сошелъ съ брички и посмотрѣлъ, гдѣ былъ ими трупъ положенъ; потѣмъ Жиды опять ускакали въ городъ. Мирка напоила обѣихъ бабъ виномъ, Славка дала денегъ и уговаривала, чтобы пьяныя поссорясь, не проговорилась: Евреи всѣ отопрутся, сказала она, а вы однѣ

[**] По справкѣ въ церкви оказалось, что ветхій антиминсъ дѣйствительно былъ похищенъ, а Терентьева показала со всею подробностію, какимъ образомъ она его украла.

[*] Семь свидѣтелей показали подъ присягой, что видѣли, какъ бричка эта на зарѣ проскакала взадъ и впередъ; а одна женщина, что въ ней именно сидѣлъ Еврей Іосель.

будете виноваты. Обѣ сняли съ себя Жидовское платье и пошли домой.

Вечеромъ Фратка, жена цирульника Орлика, напоила Терентьеву, одѣла ее въ жидовское платье и повела въ школу. Всѣ тѣ же Жиды и Жидовки были тамъ, а притомъ и Козловская. Корытце съ кровью стояло еще на столѣ, а подлѣ двѣ пустыя бутылки, въ коихъ наканунѣ приносили воду для обмывки, отправивъ уже третью бутылку къ Славкѣ. Тутъ же лежалъ свертокъ холста. Пришла Ханна съ Максимовою, которая принесла еще бутылку, чарку и воронку, Терентьева размѣшала кровь лопаточкой, а Іосель розлилъ ее чаркой, черезъ воронку въ бутылки и въ небольшой, вплоть сбитый обручами, боченочекъ, который былъ поданъ Орликомъ. Въ остаткѣ крови намочили аршина два холста, велѣли Терентьевой выкрутить его, расправить и провѣтрить, Іосель искрошилъ его на маленькіе лоскутья; Орликъ мокалъ гвоздь въ остатокъ крови, капалъ на каждый лоскутокъ и разводилъ по немъ разводы, и каждому дали по лоскутку, равно и тремъ

Русскимъ бабамъ. Всѣ разошлись: Максимова понесла за Цетлиными одну бутылку; Козловская за Берлиными двѣ, а Терентьева за Орликомъ боченокъ. Максимова отдала лоскутокъ свой впослѣдствіи Ханнѣ; Козловская потеряла его, а Терентьева сказала, что онъ долженъ быть у нея въ Китайчатомъ карманѣ, который переданъ ею на сохраненіе, съ другими вещами, солдаткѣ Ивановой, когда взята была подъ стражу. Слѣдователи немедленно отправились туда и нашли въ указанномъ мѣстѣ треугольный лоскутокъ холста, красноватый, и признанный всѣми тремя раскаявшимися бабами за тотъ самый, о коемъ онѣ говорили.

Въ домѣ Берлина, Цетлина и въ школѣ всѣ три женщины порознь показали вполнѣ согласно со словами ихъ, гдѣ, какъ и что дѣлалось; подробности эти и мѣстность, гдѣ совершено было ужасное преступленіе, смущали ихъ сильно и онѣ едва могли говорить.

Фратка сказала Терентьевой, что кровавымъ лоскуткомъ протираютъ глаза новорожденнымъ, а кровь кладутъ въ мацу

(въ опрѣсноки). Это вполнѣ согласно со многими помѣщенными выше свѣденіями и съ показаніями по случаю подобныхъ происшествій. На другой годъ послѣ того, сама Терентьева пекла съ Фраткою и съ другими Жидовками мацу съ этою кровью. Максимова подробно описываетъ, какъ дѣлала тоже у Ханны, размочивъ засохшую въ бутылкѣ кровь и смѣшавъ съ шафраннымъ настоемъ. Ханна положила также не много крови этой въ медъ, который пили. Козловская говоритъ, что тоже дѣлали у Берлиныхъ: вытряхнули изъ бутылки сухую кровь, растерли и высыпали въ шафранный настой, который вылили въ тѣсто.

Генералъ–Маіоръ Шкуринъ взялъ съ собою Терентьеву и Максимову и поѣхалъ въ Витебскъ и въ Лезну, куда онѣ возили кровь. Максимова указала въ Витебскѣ домъ, куда привезла кровь, съ Мовшей Бѣленицкимъ, и узнала хозяина; Терентьева не могла на первый день опознаться, просила дать ей время, а на другой день объявила, что далеко искать нечего. Коммисія остановилась въ томъ

самомъ домѣ и даже въ той самой комнатѣ, куда она въ 1823 году привозила кровь. Она доказала это тѣмъ, что указала скрытый въ стѣнѣ каминъ, гдѣ въ то время сожгли обручи и клепки боченка; разсказала все расположеніе дома – хотя провела ночь подъ карауломъ и никуда не выходила – сказала, что тутъ должна быть еще другая дверь, ведущая прямо на кухню, и это оказалось справедливымъ. Она узнала всѣхъ хозяевъ, коихъ описала напередъ при допросѣ еще въ Велижѣ: Мовшу, его жену, Зелика, мать его Ривку, Арона, жену его Рису; Ривка въ то время сама приняла у нея боченокъ съ кровью. Прочихъ домовъ, гдѣ угощали ее, она не могла припомнить. Могилевской губерніи въ мѣстечкѣ Лезнѣ, Терентьева не могла сдѣлать положительныхъ указаній, такъ какъ прошло уже пять лѣтъ и она болѣе въ Лезнѣ не бывала.

Меланья Желнова, дочь Максимовой, показала, что пришедъ къ матери, на Святой, была послана Еврейкой Рисой – служившей въ домѣ вмѣстѣ съ Максимовою – въ особую свѣтелку или

коморку, гдѣ стоялъ сундукъ съ съѣстнымъ; заглянувъ въ него мелькомъ, она увидѣла въ немъ спящаго мальчика, въ бѣлой рубашкѣ, или накрытаго чѣмъ–то бѣламъ. Она же показала, что видѣла мальчика въ спальнѣ у Цетлиной.

Мѣщанка Дарья Косачевская показала, что, ходивъ въ первый день Святой за пивомъ, видѣла какъ Ханна Цетлинъ вела за руку къ своему дому трехлѣтняго мальчика въ такой точно одеждѣ, въ какой былъ пропавшій сынъ Емельянова. При очной ставкѣ съ Цетлиной, Дарья подняла обѣ руки, обратясь къ образу, и сказала: «помилуй, Ханна, ты мнѣ никогда зла не сдѣлала, сердиться мнѣ на тебя не зачто; убей меня Богъ, если я сказала хоть одно слово неправды!»

Работница Марья Ковалева, на которую сослались Терентьева и Максимова по другому подобному дѣлу, гдѣ замѣшаны были тѣже самые Жиды, долго запиралась, наконецъ созналась во всемъ, разсказавъ всѣ подробности, согласно съ первыми; но потомъ, испугавшись этого, протосковавъ и проплакавъ нѣсколько времени и сказавъ,

что сама себя погубила, что ей нигдѣ житья не будетъ, удавилась.

Затѣмъ обнаружено, что у Берлиныхъ во время происшествія горѣлъ ночью огонь, что у нихъ и у сосѣда ихъ Нахимовскаго были въ тѣ ночи на дворѣ караульные, Жиды, — тогда какъ ни того, ни другаго прежде и послѣ происшествія не бывало. Берлинъ не могъ отдать никакого отчета въ томъ, для чего у него были ночные сторожа, сказавъ только наконецъ, что это было сдѣлано изъ предосторожности, что бы не вымазали у него ворота кровью, или не сдѣлали другой пакости. Сторожа, будучи отысканы и уличены, послѣ запирательства, увѣряли, что были поставлены такъ, ни для чего, соглашаясь, что въ то время не было въ Велижѣ ни воровства, ни пожаровъ.

Ратманы Цетлинъ и Олейникъ, какъ упомянуто выше, ворвались насильно съ толпою Жидовъ на чужой дворъ и обмѣряли ходъ брички Ксендза, распространяя слухъ, что онъ переѣхалъ дорогой ребенка. Устраненный по сему поводу отъ дѣла, Цетлинъ всѣми силами

старался попасть опять депутатомъ въ Коммисію и требовалъ этого даже письменно. Берлинъ увѣрялъ, что мальчикъ былъ отданъ на излеченіе лекарю Левину — который свидѣтельствовалъ трупъ — и что лекарь уморивъ его, вывезъ въ болото и бросилъ. Цирульникъ Орликъ распускалъ слухъ, что ребенокъ убитъ нечаянно изъ ружья дробью, отчего и раночки по всему тѣлу, а послѣ закинутъ. Орликъ забылъ только объяснить, какъ и для чего ребенокъ былъ для этого предварительно раздѣтъ, потомъ обмытъ и опять одѣтъ; — потому что платье было цѣло и даже на бѣльѣ не было ни капли крови. Относительно обрѣзанія Жиды говорили, что это было сдѣлано съ намѣреніемъ, дабы навести подозрѣніе на Жидовъ.

При повальномъ обыскѣ, 12 человѣкъ Христіанъ ничего дурнаго о Берлиныхъ не показали, но объявили подъ присягой увѣренность свою, что мальчикъ погубленъ Жидами и что по всеобщимъ слухамъ въ этомъ участвовали Берлины и Цетлины, кои теперь чрезвычайно заботятся и хлопочутъ по сему дѣлу.

Всѣ три бабы, оговоривъ всего до 50 Жидовъ, какъ участниковъ этого злодѣйства, узнавали ихъ на очныхъ ставкахъ въ лицо; онѣ оговорили также какого–то Абрама и Абрамъ Вазменскій былъ взятъ по этому подозрѣнію: но всѣ три женщины, каждая порознь, объявили, что это не тотъ и что онѣ этого не знаютъ.

Унитскій Священникъ Мартусевичъ былъ увѣщателемъ трехъ доказчицъ и Жиды старались подкупить его, подославъ къ нему Жида портнаго съ тѣмъ, чтобы Мартусевичъ склонилъ женщинъ отречься отъ своихъ показаній; это доказано положительно показаніемъ самого Священника, женї его и еще третьяго свидѣтеля. Терентьева и Максимова черствыя и развратныя бабы, будучи приведены въ школу и въ домъ Цетлиныхъ, на мѣсто преступленія, и обязанныя разсказывать во всей подробности, гдѣ, что и какъ происходило, — оглядывались со страхомъ, дрожали и плакали. Онѣ же враждовали между собою, бранились въ присутствіи Коммисіи, укоряли другъ друга, припоминали старое, и потому ни въ какомъ

случаѣ не могли выдумать все, что показали, по взаимному согласію.

Выше было упомянуто, что все дѣло это началось вслѣдствіе ворожбы Терентьевой, по просьбѣ матери младенца, и вслѣдствіе предсказанія дѣвочки Еремѣевой. Первое не удивительно, потому что Терентьева хорошо знала, гдѣ ребенокъ, но второе требуетъ объясненія.

Анна Еремѣева ходила по міру, была сирота, подверженная какимъ–то болѣзненнымъ припадкамъ, обмерла, чуть не была похоронена, пришла опять въ себя и, разсказавъ какой–то чудный сонъ или видѣніе, прославилась этимъ и предсказывала легковѣрнымъ за насущный хлѣбъ. Она при допросѣ объяснила загадку и явилась, вмѣсто предвѣщательницы, свидѣтельницею. Зашедши въ Великій Постъ въ сѣни Берлиныхъ просить милостыни, она услышала, что Терентьева, смѣючись, громко говорила: «какъ я дала вамъ клятву служить вѣрно, то и увѣряю, что въ первый день праздника достану.» — Зная съ малолѣтства, что Жиды мучатъ и убиваютъ дѣтей о Пасху, Еремѣева тотчасъ

поняла разговоръ этотъ, испугалась, тѣмъ болѣе, что въ то же время три Жида вышли въ сѣни, взглянули на нее и другъ на друга и стали ее допрашивать, кто она. Во весь день она все думала о томъ, что слышала и вечеромъ опять подкралась къ дому Берлиныхъ и притаилась въ сѣняхъ у дверей; Евреевъ, по видимому, на этой половинѣ не было, а Терентьева разговаривала съ Максимовою; послѣдняя сказала: «наши Жиды хотѣли было заманить дѣвочку, которая утромъ приходила, но я имъ отсовѣтовала, опасно». Первая отвѣчала: «я и сама видѣла, что они на нее острили зубы, — но точно опасно. Я обѣщала достать, такъ ужъ достану изъ солдатской слободы; пусть обождутъ; надо дѣлать съ толкомъ, чтобы концы схоронить, какъ мы съ тобой, Авдотьюшка, и прежде дѣлывали»*. Еремѣева испугалась, потихоньку ушла, хотѣла бродить на другой день близъ дома, что бы подсматривать, но заболѣла, едва дотащилась до деревни Сентюры, гдѣ

* Терентьева и Максимова сознались впослѣдствіи въ нѣсколькихъ подобныхъ злодѣйствахъ, совершенныхъ вмѣстѣ съ Жидами, — какъ о томъ упомянуто было выше.

мѣщанинъ Пестунъ, человѣкъ весьма набожный, призрѣлъ ее и взялъ въ домъ. Она все еще боялась Жидовъ и опасалась сказать, что видѣла и слышала, а потому когда впослѣдствіи дѣйствительно ребенокъ пропалъ въ Велижѣ и мать его пришла къ ей за предсказаніями, — то она, Еремѣева, сказала ей, что видѣла сонъ, въ которомъ явился ей Архангелъ Михаилъ; мальчикъ сидѣлъ въ цвѣтахъ, на него шипѣла змѣя — то есть Терентьева, поясняетъ Еремѣева, — Архангелъ же сказалъ ей, что младенцу суждено быть страдальцемъ отъ Жидовъ за Христіанство; далѣе она описала, по примѣтамъ, домъ Берлиныхъ и прибавила, что если не успѣютъ спасти мальчика, то онъ погибнетъ. Еремѣева не объясняетъ, почему она сказала матери, что она заходила въ тотъ домъ, гдѣ сынъ ея содержится; но можно полагать, что огорченная мать сама проговорилась и забыла объ этомъ, а Еремѣева симъ воспользовалась.

Вотъ въ чемъ состояли обвиненія Жидовъ; остается посмотрѣть каковы были ихъ оправданія.

Общее во всѣхъ отвѣтахъ Жидовъ — это было наглое и голословное запирательство во всемъ почти, о чемъ ихъ спрашивали; почему большая часть изъ нихъ были уличены въ ложныхъ отзывахъ и показаніяхъ. Многіе изъ нихъ увѣряли, что вовсе не знаютъ Терентьевой и положительно уличены во лжи; Ханна Цетлинъ упорно утверждала, что была въ то время больна и не выходила, но уличена въ противномъ. Общая и явнымъ образомъ условная отговорка Жидовъ была: «Коли доказчицы все это сами на себя принимаютъ, такъ нечего и розыскивать, а стало быть онѣ и дѣлали это и виноваты.» Самое происшествіе извѣстно было во всей губерніи, занимало всѣхъ, а нѣкоторые Жиды увѣряли, что даже вовсе объ немъ не слыхали. Весь городъ ходилъ смотрѣть изъ состраданія тѣло мученика — но ни одинъ Жидъ не приходилъ за этимъ, тогда какъ народъ этотъ, по крайнему любопытству своему, сходится толпою глазѣть на всякій, самый простой случай и объ немъ толкуетъ.

Подсудимые показали, что ни къ какой сектѣ не принадлежатъ, тогда какъ всѣ

Велижскіе Евреи дѣлились на Миснагидовъ и на Хасидовъ, а подсудимые всѣ принадлежали къ симъ послѣднимъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что обращенный Еврей Неофитъ, о коемъ говорено въ началѣ сей записки, объясняетъ въ книгѣ своей именно, что звѣрскій обычай, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ собственно однимъ Хасидамъ.

Вообще Жиды ничѣмъ не могли опровергнуть обвиненія, какъ только голословнымъ запирательствомъ, упорнымъ, злобнымъ молчаніемъ, крикомъ, неистовою бранью, или же, приходя въ себя, разсужденіями, что этого быть не могло; на что Жидамъ кровь? Имъ крови не нужно; мучить мальчика не нужно; этому даже вѣрить запрещено повелѣніями разныхъ Королей, а также ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I–го, и именно отъ 6 марта 1817 года. Коммисія постоянно при каждомъ допросѣ записывала въ журналахъ, что допрашиваемый показалъ крайнее смущеніе, страхъ, дрожалъ, вздыхалъ, путался и заговаривался, отмѣнялъ

показанія, не хотѣлъ ихъ подписывать, увѣрялъ, что боленъ и не помнитЪ самъ, что говоритъ; многіе выходили изъ себя и не только, послѣ самой низкой брани, бросались въ ярости на доказчицъ, но кричали на членовъ, бранили ихъ скверными словами, бросались на полъ, кричали караулъ, тогда какъ ихъ никто не трогалъ пальцомъ и проч. Это ли есть поведеніе невинныхъ, оговариваемыхъ въ такомъ ужасномъ злодѣяніи? Иные прикидывались сумасшедшими, другіе по нѣскольку разъ пытались бѣжать изъ подъ караула, а нѣкоторые бѣжали и не отысканы.

Между содержавшимися и свободными Жидами перехвачена переписка на лоскуткахъ, лучинахъ, на посудѣ, въ которой ѣсть носили и проч. Не смотря на темноту смысла записокъ этихъ и на безпрестанно встрѣчающееся слово ведалъ, то есть, смекай, догадывайся, — ясно и неоспоримо видно, что между Жидами была стачка, что они условливались, какъ и что отвѣчать и увѣдомляли объ этомъ другъ друга. Такъ Итка Цетлинъ въ нѣсколькихъ

запискахъ писала: «Кого еще взяли?... Еще многіе будутъ задержаны. Худо будетъ, но можно жертвовать собою для прославленія Божьяго имени. Сдѣлайте то, что знаете, ибо терять нечего. — Очень худо; три бабы говорили до того, что у меня потемнѣло въ глазахъ; сначала я держалась твердо, покуда не свалилась съ ногъ. Коротко сказать, очень худо, старайтесь сдѣлать это, для прославленія Божьяго имени и пожертвуйте собою; терять нечего. На насъ на всѣхъ надежды мало, всѣмъ очень худо будетъ.» Хаимъ Хрипунъ писалъ: «Если вы рѣшите, чтобы женѣ моей не бѣжать, то, ради Бога, увѣщевайте ее, чтобы она знала, какъ ей говорить, если будетъ взята. Увѣдомьте меня, хорошо ли я говорилъ при допросѣ. Дайте знать пальцами, сколько человѣкъ еще взято. Старайтесь всѣ за насъ, весь Израиль; не думай никто: если меня не трогаютъ, такъ мнѣ и нужды нѣтъ! — Мы содержимся, Боже сохрани, ради смертнаго приговора! На допросѣ я сказалъ, что не знаю и не слыхалъ, нашли ли мальчика живымъ, или мертвымъ. Бѣгите всюду, гдѣ разсѣянъ Израиль,

взывайте громко: Горе, горе! чтобы старались свидѣтельствовать за насъ; у насъ не достаетъ болѣе силъ; напугайте доказчицъ черезъ сторожей, скажите имъ, что есть повелѣніе ГОСУДАРЯ такое: если онѣ первыя отступятся отъ словъ своихъ, то будутъ прощены; а если нгтъ, то будутъ наказаны» — и проч. Неужели подобная переписка можетъ сколько нибудь расположить въ пользу обвиняемыхъ, а напротивъ того, не изобличаетъ ихъ въ преступленіи? Наконецъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ, упавъ духомъ и не видя возможности запираться болѣе, при столькихъ явныхъ уликахъ, сознались, но опять отреклись, таковы Фейга Вульфсонъ, Нота Прудковъ, Зеликъ Брусованскій, Фратка Девирцъ, Ицька Нахимовскій; — а между тѣмъ все общество Жидовъ, оставшихся на свободѣ, старались всѣми возможными происками замедлять и путать дѣло; они подавали просьбы за подсудимыхъ, требовали настоятельно допуска къ нимъ, жаловались за нихъ на пристрастіе, объявляли ихъ то больными, то помѣшанными, требовали устраненія

слѣдователей и назначенія новыхъ и проч. Вся надежда Жидовъ, которые нѣсколько разъ проговаривались объ этомъ даже въ Коммисіи, состояла въ томъ, что дѣло не можетъ быть здѣсь рѣшено окончательно и что тамъ, куда оно пойдетъ, они дадутъ отвѣтъ и оправдаются, а доказчицы будутъ однѣ виноваты. Разсмотримъ, для примѣра, нѣкоторые отвѣты Жидовъ.

Шмерка Берлинъ далъ хитрый, обдуманный отвѣтъ, доказывая, что все это несбыточно, невозможно, что такимъ сказкамъ и бреднямъ давно уже запрещено вѣрить. У него найденъ полный запасъ бумагъ, относящихся до подобныхъ случаевъ, копіи съ указовъ, переписка, гдѣ онъ требуетъ свѣденій, чѣмъ кончилось подобное дѣло въ Могилевѣ и проч. Все это доказываетъ, что онъ, будучи задержанъ внезапно, приготовился однакоже къ тому и обдумывалъ свою защиту. Полагалъ, что мальчика переѣхали и искололи по злобѣ на Евреевъ. Но почему же бѣлье и платье не исколоты, и если все это ложь, то почему–же исколотый трупъ будетъ указывать именно на Евреевъ, какъ на

виновныхъ? Увѣряя, что Терентьевой не знаетъ, закричалъ ей на встрѣчу, лишь только она вошла: «это первая зараза: она вѣрно станетъ говорить тоже!»

Братъ его Носонъ Берлинъ мѣшался, путался, не отвѣчалъ изъ упрямства по часу и болѣе на вопросы, не хотѣлъ подписывать своихъ показаній, безо всякой причины; на очныхъ ставкахъ дрожалъ отъ злости и поносилъ всячески доказчицъ. Онъ былъ такъ грубъ и наглъ, что Коммисія не могла съ нимъ справиться. Неоднократно изобличенъ въ явной лжи. Послѣ долгихъ убѣжденій, что онъ обязанъ подписать свои показанія, подписалъ наконецъ, что не утверждаетъ ихъ — хотя въ показаніяхъ сихъ ничего не заключалось, какъ отвѣтъ его, что онъ ни о чемъ не занетъ и не вѣдаетъ.

Гиршъ Берлинъ ломалъ отчаянно рѫки, не зналъ, что отвѣчать на улики, закричалъ на Терентьеву: врешь, я тебя никогда не зналъ — и забывшись прибавилъ тутъ же: — ты была нищая, ходила по міру.

Мейеръ Берлинъ неистово бросился на Терентьеву, въ присутствіи Коммисіи; когда

же его остановили, а Терентьева стала его уличать всѣми подробностями происшествія, то онъ отчаянно ломалъ рΔки, молчалъ, дико оглядывался, вздыхалъ тяжело и утверждалъ, что бабы этой не знаетъ.

Ривка Берлинъ (Сундулиха) до того нагло и голословно отпиралась, что сама себѣ безпрерывно противорѣчила и должна была сознаваться во лжи. Она утверждала, что Еврейка Лыя никогда у нея не служила, что Терентьевой не заетъ; Лыя же сама уличала ее въ томъ, что служила у нея нѣсколько лѣтъ; а о Терентьевой Ривка забывшись сказала послѣ, что она знала ее, какъ негодную пьяницу давно, еще когда она жила у Капитана Польскаго.

Славка Берлинъ, вошедъ въ присутствіе, стала сама съ удивленіемъ разсказывать, что встрѣтила сей часъ въ передней какую-то бабу (Терентьеву), которая поклонилась ей и назвала ее по имеи, тогда какъ она, Славка, вовсе ея не знаетъ. Путала, говорила, опять отпиралась; она была въ такомъ замѣшательствѣ, что, сказавъ слово, вслѣдъ затѣмъ увѣряла цѣлое

Присутствіе въ глаза, будто никогда этого не говорила, отпираясь такимъ образомъ безпрестанно отъ собственныхъ своихъ словъ, безъ всякой нужды и цѣли, отрекшись ото всего и показавъ только, что ни о чемъ не знаетъ и не вѣдаетъ, — на другой день требовала уничтоженія допроса, увѣряя, что она вчера наговорила на себя отъ испуга. Съ трудомъ можно было кончить допросъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, потому что Славка каждый разъ увѣряла, что ее обманываютъ и пишутъ не то. Терентьева сказала ей, рыдая: «какъ тогда говорила, что ото всего отопрешься, такъ теперь и дѣлаешь!» Когда ребенокъ пропалъ и никто еще не зналъ куда онъ дѣвался, то Терентьева и Еремѣева сказали уже, что онъ содержится у Славки, или у матери ея, Мирки. На дворѣ ея былъ поставленъ ночной сторожъ, впродолженіе нѣсколькихъ ночей, тогда какъ его ни прежде, ни послѣ происшествія у нея ночнаго караула не бывало. Утверждала, что доказчицы во всякомъ случаѣ однѣ виноваты, не объявивъ объ

этомъ происшествіи, если оно было, въ тоже время, когда оно случилось.

Бася Аронсонъ сказала между прочимъ, путаясь въ показаніяхъ: «я не такая набожная, чтобы мнѣ быть при такомъ дѣлѣ.» Слѣдовательно она смотрѣла на истязаніе Христіанскаго мальчика, какъ на богоугодное дѣло.

Езвикъ Цетлинъ, Ратманъ, увѣдомлялъ своихъ о томъ, когда будетъ обыскъ въ домѣ, а послѣ о ходѣ дѣла; будучи устраненъ, домогался быть опять допущеннымъ, какъ депутатъ; старался отвести подозрѣніе на Ксендза. На очныхъ ставкахъ выходилъ изъ себя: то кидался со злобою и съ угрозами, то опять упрашивалъ доказчицъ и улещалъ. Терялся, забывался, кричалъ и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ. Не подписалъ показаній своихъ, не объявивъ и причины на то; притворился сумасшедшимъ, бѣсновался, а послѣ просилъ въ томъ прощенія. Сказалъ между прочимъ: «что вы меня спрашиваете? въ Россіи всякая вѣра терпима.» — Когда онъ ото всего отрекался, и Терентьева, уличая его, положила руку на

сердце и сказала, глядя ему въ глаза: и ты правду говоришь? — То Цетлинъ отвѣчалъ робко: «я не говорю, что правду говорю, а говорю только, что ничего не знаю и ничего не видалъ.» Это отвѣтъ вполнѣ достойный послѣдователя Талмудическихъ уловокъ. Вмѣсто того, чтобы оправдываться въ убійствѣ, старался только убѣдить, что Жидамъ кровь не нужна и что этому запрещено вѣрить.

Ханна Цетлинъ, жена Евзика, утверждала, что во всю недѣлю не выходила со двора, по болѣзни своей и сына, а свидѣтели показали подъ присягой, что видѣли ее на улицѣ; посторонняя женщина видѣла даже, какъ она вела погибшаго ребенка за руку, близь своего дома, а Терентьева показала, что она тутъ передала ей мальчика. Уѣздный лекарь, на коего она сослалась относительно тяжкой болѣзни сына, показалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Увѣряла, что вовсе не слыхала о пропажѣ мальчика; что даже Терентьевой вовсе не знаетъ, тогда какъ уже при первомъ слѣдствіи сказала, что нищую эту выгоняла неоднократно изъ

своего дома. На очныхъ ставкахъ блѣднѣла, дрожала, то почти лишалась чувствъ и падала, то вдругъ выходила изъ себя и неистово кричала, бранилась, не давала отвѣтовъ, кричала только: все это ложь, бабъ научили, онѣ врутъ, пусть сами и отвѣчаютъ. Въ присутствіи Коммисіи стращала доказчицъ кнутомъ и уговаривала ихъ отречься отъ словъ своихъ; наконецъ стала кричать и молоть внѣ себя, безсвязно, такъ что ничего нельзя было записывать. Максимова сказала ей въ глаза, что послѣ этого происшествія имѣла полную волю въ домѣ и что Цетлина ея боялась. Тоже подтвердили дочь Максимовой, Желнова, Еврейка Ривка, а сама Ханна, называя Максимову пьяною и буйною, призналась, что работница эта часто стращала ее, хотя и непонимаетъ чѣмъ.

Риса Янкелева, работница Цетлиныхъ, при каждомъ допросѣ говорила иное, путалась, отговариваясь слабою памятью; сама послѣ допроса, опять просилась въ присутствіе и не показавъ ничего новаго,

отпиралась въ прежнемъ, повторяя между тѣмъ опять тоже.

Руманъ Нахимовскій сталъ при допросѣ въ уголъ, схватился руками за животъ и трясся какъ въ лихорадкѣ, тяжело вздыхалъ, едва отвѣчалъ; но когда вошла Терентьева, то сталъ кричать на нее и браниться; Козловской сказалъ, что «она тогда была еще молода и ея бы въ такое дѣло не пустили;» при сильныхъ и подробныхъ уликахъ доказчицъ, схватилъ себя обѣими руками за голову, отвернулся отъ присутствія, оперся головою о печь, и молчалъ упорно, сказавъ только, что нездоровъ и говорить не можетъ.

Ицька Нахимовскій, братъ его, сказалъ Генералу Шкурину, что хочетъ объявить всю правду; будучи призванъ въ Коммисію, началъ было: «Богъ мучитъ меня уже другой годъ въ неволѣ, а Богъ знаетъ правду: видно для того мучитъ, чтобы Государь узналъ правду» — но потомъ одумался и увѣрялъ, что по глупости самъ не зналъ, что говорилъ и настоятельно просилъ уничтожить первое показаніе. Затѣмъ онъ бѣжалъ, но будучи пойманъ,

сталъ на колѣни передъ зерцаломъ и сказалъ: «самому Государю открою всю правду о убійствѣ мальчика;» и далъ въ томъ подписку; но послѣ опять отрекся и притворился помѣшаннымъ.

Іосель Мирласъ, прикащикъ Берлина, ссылался на повелѣніе Польскаго Короля Сигизмунда и на ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 1817 года, коими не велѣно вѣрить такимъ извѣтамъ былъ внѣ себя, дрожалъ, кричалъ: ахъ Богъ мой, что это будетъ! — прислонился къ стѣнѣ, поддерживая животъ руками, и говорилъ: «самъ не знаю, что со мною дѣлается; я тутъ совсѣмъ дѣлаюсь боленъ; когда она (Терентьева) говритъ это, такъ стало быть она и дѣлала!» Потомъ молчалъ упорно и не отвѣчалъ.

Іосель Гликманъ полагалъ, что мальчика искололи Евреямъ на шутку. При очныхъ ставкахъ кинулся въ отчаяніи на колѣни, кричалъ: помилуйте, помилуйте! — закрывалъ лицо руками, дрожалъ, отворачивался и объявилъ, что не хочетъ смотрѣть на уличительницъ. —

Орликъ Девирцъ, Еврейскій цырульникъ, увѣрялъ, что мальчикъ убитъ дробью, но отпирался даже и отъ этого, противу пяти свидѣтелей. Отвѣчалъ робко, медленно, думалъ, послѣ каждаго, самаго простаго вопроса, вздрагивая и посматривая на дверь, откуда ожидалъ уличительницъ. Путался, увѣрялъ, что у него во рту засохло и онъ не можетъ говрить; показавъ, что знаетъ Терентьеву, когда она жила у купца Бабки, и что она таскалась по домамъ, отрекся опять отъ словъ своихъ и увѣрялъ, что вовсе ея не знаетъ. Кричалъ, что съ бабами во все говорить не хочетъ, и не подписалъ показаній своихъ, потому что не помнитъ, что говорилъ. У него нашли заготовленныя имъ свидѣтельства въ томъ, что онъ искусный фельдшеръ; при спросѣ, для чего онъ заготовилъ ихъ, Орликъ отвѣчалъ: «когда пошлютъ меня въ Сибирь, то я покажу ихъ тамъ, можетъ быть хоть не заставятъ землю копать».

Жена его, Фратка, объявила, вошедши въ Коммисію, что вовсе не станетъ отвѣчать и долго молчала; потѣмъ начала кричать, браниться, ходить взадъ и впередъ, топать,

кричала въ изступленіи: «чего вы отъ меня хотите? Зачѣмъ не зовете другихъ? не одинъ мужъ мой былъ, когда кололи мальчика? Всѣ говорятъ, что Ханна Цетлинъ, виновата – ее и спрашивайте, а не меня». Послѣ сказала, что не была сама при убійствѣ, но будто Руманъ Нахимовскій признался ей, что мальчикъ былъ умерщвленъ при немъ въ школѣ, Берлинами; что при этомъ были еще: Мирка, Славка, Шмерка, Гиршъ, Шифра, Янкель, Бася, Евзикъ, Ханна и проч. Что послѣ этого происшествія эти Евреи завели свою особую школу, потому что прочіе боялись попасться – и по слѣдствію обнаружено, что дѣйствительно въ это время была заведена отдѣльная, небольшая школа. Это же повторяла она сторожамъ и караульнымъ, била себя полѣномъ, приговаривая: «такъ бы всѣхъ, кто кололъ мальчика». Потомъ прибавила: «я бы все расказала, кто и какъ кололъ, да боюсь, затаскаютъ меня, и боюсь своихъ Евреевъ». Тоже подтвердила въ Коммисіи, но болѣе говорить не хотѣла и прибавила: «если Евреи это узнаютъ, то я пропала». – По ея

указанію отысканъ особый ножъ, въ серебряной оправѣ и сафьянныхъ ножнахъ, коимъ, по ея словамъ, сдѣлано было надъ мальчикомъ обрѣзаніе; доказчицы также полагали, что это долженъ быть тотъ самый ножъ. Два раза пытались бѣжать, но поймана; выбила стекло, и хотѣла зарѣзаться осколкомъ его. Потомъ опять ото всего отреклась; — а когда въ Коммисіи рѣчь зашла о ножѣ, коимъ убійство совершено, то Фратка сказала: «тутъ надобны не ножи, а гвозди». — Кричала, что одному Государю всю правду скажетъ; сказала караульному Унтеръ-Офицеру, въ разговорѣ, что кровь была нужна Берлиной, потому что у нея дѣти не стоятъ. Наконецъ сказала, вышедъ изъ себя, въ Коммисіи: «можетъ быть прежде наши это и дѣлали, только не теперь; а что Терентьева колола мальчика, такъ это правда. Берите меня, сѣките меня кнутомъ, я этого хочу, я все на себя беру, а ужъ я вамъ правды не скажу».

Зеликъ Брусованскій, при сильныхъ уликахъ, сказалъ: «если кто изъ семьи моей, или хоть другой Еврей признается — тогда и я скажу, что правда».

Ицька Бѣляевъ дрожалъ, то отъ страха, то отъ злости, бранился и кричалъ, такъ что Коммисія не могла съ нимъ справиться. Когда Терентьева, во время улики, сказала, что у нея и теперь еще болятъ ноги, обозженныя на сковородѣ, то Ицька спросилъ, улыбнувшись: «какъ, въ три года не могли у тебя поджить обозженныя ноги твои»?

Янкель Черномординъ (Пѣтушокъ), ничего не слушая, кричалъ: это бѣда, это напасть; потомъ, упавъ ницъ и накрывъ лице руками: «помилуйте! Я не знаю что она (Максимова) говоритъ», и не хотѣлъ на нее смотрѣть.

Жена его, Эстеръ, показала что вовсе незнаетъ Терентьевой, а послѣ запуталась сама и созналась въ противномъ. Въ изступленіи бросалась на уличительницъ и поносила ихъ бранью.

Хайна Черномординъ увѣряла, что ни одной изъ этихъ трехъ бабъ не видывала и вовсе не слышала о убійствѣ мальчика. — Блѣднѣла и дрожала, не могла стоять на мѣстѣ, мялась, отворачивалась; молчала упорно, или злобно кричала и отнюдь не

хотѣла смотрѣть на показываемый ей кровавый лоскутокъ холста, о коемъ упомянуто было выше.

Хаимъ Черный, (Хрипунъ) кричалъ, бранился, дрожалъ, не отвѣчалъ на вопросы и путался. «Пусть бабы говорятъ, что хотятъ, сказалъ онъ, ни одинъ Еврей этого не скажетъ вамъ, сколько ни спрашивайте». — Злобно отпирался, что, при обращеніи Терентьевой, лежалъ на одной съ нею кровати — а въ перехваченной перепискѣ, умоляетъ Евреевъ не ругаться надъ нимъ за это, а то онъ съ ума сойдетъ отъ стыда и срама, тогда какъ онъ готовъ жертвовать за нихъ жизнію. Нагло кричалъ въ Коммисіи, требуя каждый разъ снова, чтобы ему были напередъ прочитаны прежнія показанія его; сказавъ на отрѣзъ, что даже не слышалъ объ этомъ происшествіи, проговорился послѣ, что зналъ объ немъ тогда же, когда оно случилось. До того забылся и вышелъ изъ себя, что ругалъ въ глаза всѣхъ членовъ, въ полномъ присутствіи, и кричалъ Предсѣдателю, Генералу Шкурину, указывая на него пальцемъ: «я тебѣ

разбойнику глаза выколю, ты злодѣй» — и проч. Хаимъ былъ уже подъ судомъ въ 1806 году, съ другими Евреями, по подозрѣнію въ истязаніи и убійствѣ мальчика помѣщика Мордвинова; по недостатку уликъ, дѣло предано было волѣ Божіей.

Абрамъ Кисинъ, — путался и самъ себѣ противорѣчилъ, уличенъ во многихъ ложныхъ показаніяхъ: сказалъ, что о сю пору ничего не знаетъ и не слышалъ о происшествіи — а потомъ уличенъ, что былъ по сему же дѣлу допрашиваемъ при первомъ слѣдствіи, три года тому; одинъ разъ показалъ, что безграмотенъ, а въ другой, что знаетъ читать и писать по Еврейски и по Русски; сказалъ, что вовсе не родня Берлинымъ, тогда какъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ ними; сказалъ, что Терентьевой не знаетъ вовсе, что если она призналась, такъ стало быть она и убійца — и уличенъ, что знаетъ ее давно. Наконецъ зарыдалъ, смотрѣлъ дико, какъ помѣшанный, упалъ ницъ на полъ и кричалъ: помилуйте, ратуйте! Кричалъ, что ему дурно, что онъ не можетъ говорить; его

стало кидать и ломать и онъ притворился сумасшедшимъ, кричалъ и бѣсновался.

Нота Прудковъ, — хотѣлъ доказать, что былъ во время происшествія на Сертейской пристани, — не доказано, что онъ былъ тогда въ Велижѣ и сверхъ того еще перехвачена переписка его, гдѣ онъ просилъ достать за деньги свидѣтельство, что онъ былъ на Сертейской и составить подложный договоръ съ мужиками, — увѣрялъ, что изъ уличительницъ ни одной не знаетъ, а въ письмахъ къ женѣ своей называетъ всѣхъ трехъ поименно, и в Коммисіи назвалъ Терентьеву распутною. Сказался больнымъ и подвязавъ бороду, требовалъ на очной ставкѣ, чтобы уличительницы говорили, какого цвѣта у него борода; сказалъ Генералу Шкурину: «Еслибы самъ Государь обѣщалъ Евреямъ помилованіе, то они бы конечно, сознались; что точно Жиды погубили мальчика и прочіе ропщутъ теперь на Берлиныхъ и Цетлиныхъ, за это опасное дѣло, что они теперь всюду собираютъ деньги на это

дѣло, надѣясь, что оно здѣсь не кончится;* но что онъ, Прудковъ, въ Коммисіи ни въ чемъ не сознается. Между тѣмъ у Генерала Шкурина были спрятаны три Чиновника, которые все это слышали и подтвердили подъ присягой. Три раза пытался уйти изъ подъ стражи; хотѣлъ креститься, потомъ раздумалъ; вызвался сознаться во всемъ лично Генералъ–Губернатору, былъ отправленъ въ Витебскъ, но обманулъ. Шумѣлъ, кричалъ, ударилъ въ щеку караульнаго Унтеръ–Офицера, и былъ наказанъ за это, но не унялся; когда ему въ Коммисіи показали перехваченныя записки его, то он озлобился до неистовства, кричалъ и бранился, не давая отвѣта: «Въ законѣ ничего не сказано, что будетъ за это, если кто заколетъ мальчика; мы ничего не боимся, только бы дѣло вышло изъ Коммисіи. Вы всѣ разбойники; намъ ничего не будетъ, а васъ же судить будутъ, вотъ увидите!»

Ицька Вульфсонъ, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Іоселемъ Мирласомъ

*Со времени этого дѣла, въ Витебскѣ и окружныхъ мѣстахъ сохранилась въ народѣ молва, что «послѣ солдатскаго сына ни на одной Велижской Еврейкѣ не осталось на головномъ уборѣ ни зерна жемчуга». — Это можно слышать по нынѣ.

осматривать выброшенный въ лѣсъ трупъ младенца, до того потерялся, что показавъ, будто не знаетъ грамоты, самъ подписалъ по руски допросъ свой. Увѣряя, что Терентьевой вовсе не знаетъ, прибавилъ: «и никто не обращалъ ея въ Еврейскую вѣру — по крайней мѣрѣ при отъѣздѣ моемъ въ Динабургъ, она Еврейкой не была.» Стало быть онъ зналъ ее и тогда?

Жена его, Фейга, показала, что не была въ то время вовсе въ Велижѣ, тогда какъ мужъ ея показалъ, что она была тамъ. На очныхъ ставкахъ едва не обмирала, не могда стоять, ложилась на стулъ, жаловалась на дурноту, упорно молчала и не подписала показаній своихъ, безъ всякой причины. Далѣе, готова была во всемъ сознаться, но спросила: «есть ли такой законъ, что когда кто во всемъ сознается, то будетъ прощенъ?» Ей сказали, что законъ въ такомъ случаѣ облегчаетъ наказаніе; тогда она проговорила въ отчаяніи: «я попалась съ прочими по своей глупости» — и затѣмъ упорно молчала. Хотѣла креститься, а потомъ опять раздумала. «Мнѣ нельзя уличать мать

свою, сказала она также — да и тогда должны пропасть всѣ Евреи.»

Лыя Руднякова, бывшая работница Ривки Берлинъ, сперва отреклась, что никогда у Ривки не служила, потомъ уличена, созналась и по неволѣ уличила въ томъ же Ривку. Увѣряла, что Терентьевой вовсе незнаетъ, а между тѣмъ сказала, что она была нищая и ходила по міру. Во время допросовъ чертила пальцемъ на спинѣ бывшаго у ней на рукахъ ребенка какіе–то знаки, и будучи спрошена, что она дѣлаетъ, отвѣчала: «Это Ривкѣ, по Еврейски.» Когда показали ей кровавый лоскутокъ холста, то она сильно испугалась, зарыдала и поносила Терентьеву самою непристойною бранью.

Зуся Рудняковъ, мужъ Лыи, также увѣрялъ, что даже не слыхалъ о происшествіи, о коемъ толковали въ Велижѣ три года на всѣхъ перекресткахъ. Смотрѣлъ въ землю, говорилъ отрывисто, отпираясь ото всего. Задрожалъ, увидавъ кровавый лоскутокъ, отворотился, не хотѣлъ смотрѣть на него и ни зачто не хотѣлъ подойти къ столу. Не подписалъ

очной ставки, потому что у него закружилась голова, онъ самъ не понимаетъ, что ему читаютъ и не знаетъ, то ли это, что онъ говорилъ.

Блюма Нафанова. Когда Терентьева сказала ей: «напрасно ты отъ меня отпираешься, ты знала меня давно, еще когда убили Хорьку,» — то Блюма закричала: «что тебѣ теперь до Хорьки? Тогда былъ судъ.» — Оказалось, что Блюма, въ числѣ другихъ подозрѣвалась въ 1821 году въ убійствѣ Христины Слѣповронской, также замученной въ Жидовской школѣ.

Рохля Фейтельсонъ, вошедши въ присутствіе, не дала еще ни о чемъ спросить себя и начала кричать: «я не знаю за что меня взяли; меня не спрашивайте ни о чемъ, я ничего не знаю, ни гдѣ не была, ничего не видала.» Она также путалась, терялась и дрожала.

Вотъ главнѣйшіе отвѣты и оправданія Жидовъ, — если только это можно называть отвѣтами и оправданіями — выписанные вкратцѣ, но съ точностію и безъ опущенія хотя одного слова, которое бы могло

служить къ оправданію подсудимыхъ. Такого слова не было произнесено, ни однимъ. Одно только отрицаніе, не рѣдко явная ложь, страхъ и злоба, вотъ что обнаружилось при допросахъ. Между тѣмъ дѣло тянулось и Коммисія, не смотря на все стараніе свое, не могла подвинуться впередъ; Жиды, явно и несомнѣнно уличенные, молчали, упорствовали, грубили; Генералъ–Губернаторъ Кн. Хованскій донесъ объ этомъ ГОСУДАРЮ и велѣно было увѣщевать Жидовъ, а буйныхъ наказывать. По поводу открывшихся въ 1827 году, черезъ тѣхъ же доказчицъ, нѣсколько подобныхъ дѣлъ, повелѣно было изслѣдовать той же Коммисіи все; въ 1828, командированъ въ Коммисію Чиновникъ отъ Правительствующаго Сената; а затѣмъ еще повелѣно опросить подсудимыхъ, не было ли имъ пристрастія. Нѣкоторые показали, что не было, но другіе жаловались на пристрастіе не будучи однакоже въ состояніи объяснить, въ чемъ именно оно состояло; они говорили только въ общихъ словахъ, что ихъ не такъ допрашивали, не тѣми словами писали

отвѣты, спрашивали, какъ преступниковъ, тогда какъ три бабы сознались и слѣдовтельно были настоящими претсупницами; что не отстраняли по ихъ требованію слѣдователей и членовъ Коммисіи, и тому подобное.

Въ 1829 году Коммисія представила наконецъ полный обзоръ этихъ ужасныхъ происшествій, обвиняя Жидовъ во всемъ и считая ихъ уличенными; кромѣ умершихъ и бѣжавшихъ, ихъ осталось еще подъ стражей 42 человѣка обоего пола. Генералъ–Губернаторъ того же мнѣнія, какъ и предшественникъ его, — представилъ обстоятельный всеподаннѣйшій рапортъ, въ коемъ также положительно обвинялъ Жидовъ и считалъ ихъ изобличенными.

Въ самой вещи, сообразивъ всѣ обстоятельства, нельзя не согласиться съ заключеніемъ Коммисіи и Генералъ–Губернатора. Предсказанія Терентьевой и Еремѣевой, согласно съ коими происшествіе исполнилось, совершенно не объяснимы, если не повѣрить имъ, что одна сама продала мальчика, а другая подслушала разговоръ; согласное показаніе

Терентьевой, Максимовой и Козловской обо всѣхъ подробностяхъ убійства и согласныя съ симъ подобныя обстоятельства, подтвержденныя посторонними свидѣтелями подъ присягой, совершенная невозможность сдѣлать такое во всемъ согласное показаніе и не измѣнять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, если бы это не была одна истина — особенно если разсудить, что двѣ изъ женщинъ сихъ жили въ постоянной враждѣ, не могли говорить между собою равнодушно, даже въ присутствіи Коммисіи, а третья была уже за мужемъ за шляхтичемъ и не могла имѣть никакого повода къ такому ужасному поклепу на себя и на другихъ; далѣе, показаніе постороннихъ свидѣтелей, изъ коихъ иные видѣли, какъ Жиды проскакали на зарѣ въ бричкѣ по тому направленію, гдѣ найденъ трупъ, — одна видѣла мальчика въ рукахъ Цетлиной, — двѣ другихъ видѣли его въ домѣ ея, въ спальнѣ и въ ларѣ; состояніе въ коемъ найденъ трупъ — накожныя ссадины, ранки, затекшія, побагровѣвшія ноги, приплюснутый ротъ и носъ, синякъ отъ узла на затылкѣ, вплоть

остриженные ногти, Еврейское обрѣзаніе, и пр. — вполнѣ согласовавшееся съ показаніемъ трехъ женщинъ о томъ, какимъ образомъ замученъ ребенокъ; поведеніе подсудимыхъ при допросахъ, обнаруженная стачка ихъ, наглое и безсмысленное запирательство во всемъ относящемся къ этому дѣлу; изобличеніе каждаго изъ нихъ во многихъ ложныхъ показаніяхъ; притворство нѣкоторыхъ больными и сумасшедшими; бѣгство другихъ и попытки къ тому третьихъ; стараніе подкупить священника, увѣщателя доказчицъ; ночной караулъ и сборища у Берлиныхъ, Нахимовскихъ, Цетлиныхъ — въ чемъ они сначала также запирались; и наконецъ собственное сознаніе Ноты Прудкова, Зелика Брусованскаго, Фратки Девирцъ, Фейги Вульфсонъ и Ицки Нахимовскаго въ преступленіи и явное колебаніе другихъ, а равно и изобличающая виновныхъ, перехваченная у нихъ переписка — вотъ улики и доказательства, на коихъ Коммисія и Генералъ–Губренаторъ основывались, почитали Евреевъ до того уличенными, что находили уже собственное сознаніе ихъ не

нужнымъ, тѣмъ болѣе, что въ пользу Евреевъ не говорило ровно ни одно обстоятельство и оправданій или доказательствъ невинности своей ни одинъ изъ нихъ не могъ представить никакихъ, — кромѣ явной лжи и наглаго запирательства. Они представили, при общемъ и подробномъ донесеніи, именной списокъ Евреевъ, гдѣ степень вины каждаго была въ подробности обозначена.

Въ Правительствующемъ Сенатѣ произошло разногласіе; нѣкоторые Гг. Сенаторы соглашались съ заключеніемъ Коммисіи и присуждали Жидовъ къ наказанію; другіе колебались; третьи оправдывали ихъ; опять иные желали только принять предупредительныя мѣры на будущее время и дѣлали различныя по сему предположенія. По сему дѣло внесено было въ Государственный Совѣтъ, гдѣ состоялось 18–го Января 1835 года ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное мнѣніе:

Что показанія доносчицъ, заключая въ себѣ многія противорѣчія и несообразности, безъ всякихъ положительныхъ уликъ или несомнѣнныхъ доводовъ, не могутъ быть

приняты судебнымъ доказательствомъ къ обвиненію Евреевъ; а потому:

1. Евреевъ подсудимыхъ по дѣлу объ умерщвленіи солдатскаго сына Емельянова и по другимъ подобнымъ дѣламъ, заключающимся въ Велижскомъ производствѣ, а равно по дѣламъ, о поруганіи надъ Христіанскою Святынею, какъ положительно не уличенныхъ, отъ суда и слѣдствія освободить.

2. Доказчицъ, Христіанокъ: крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и Шляхтянку Козловскую, не доказавшихъ тѣхъ ужасныхъ преступленій и отступленія отъ вѣры, которыя онѣ сами на себя возводили, но виновныхъ въ извѣтахъ, коихъ впослѣдствіи ни чѣмъ не могли подтвердить, сослать въ Сибирь на поселеніе, лишивъ Козловскую Шляхетства.

Затѣмъ, Еремѣеву, Желнову и пр. освободить, предавъ первую церковному покаянію.

Заключеніе.

Разсмотрѣвъ весь этотъ рядъ ужасныхъ случаевъ и возмущающихъ душу

происшествій, частію доказанныхъ исторически и юридически, — обвиненіе Жидовъ въ мученическомъ умерщвленіи къ Пасхѣ Христіанскихъ младенцевъ невозможно считать призракомъ и суевѣріемъ, а должно убѣдиться, что обвиненіе это основательно, какъ равно и общее мнѣніе, о употребленіи ими крови сихъ мучениковъ для какихъ–то таинственныхъ чаръ. Есть обстоятельство, о коемъ говорено было уже въ началѣ сей записки, неоспоримое и очевидное, на которое при изслѣдованіяхъ объ этомъ предметѣ никто не обратилъ доселѣ вниманія, между тѣмъ какъ оно должно служить разительнымъ убѣжденіемъ для всѣхъ сомнѣвающихся. Никто, конечно, не будетъ оспаривать, что въ странахъ, гдѣ Евреи терпимы, отъ времени до времени находимы были трупы младенцевъ, всегда въ одномъ и томъ же искаженномъ видѣ, или по–крайней–мѣрѣ съ подобными знаками насилія и смерти. Не менѣе вѣрно и то, что знаки эти доказывали умышленное, обдуманное злодѣйство, мученическое убійство ребенка, и при томъ

ребенка Христiанскаго: то и другое доказано множествомъ слѣдственныхъ, судебныхъ и врачебныхъ свидѣтельствъ. Но какимъ же образомъ объяснить такую непонятную загадку, хотя какимъ бы то ни было предположенiемъ, не только доказательствомъ, какъ объяснить что бы могло побудить кого бы то ни было къ такому безсмысленно–звѣрскому поступку, если это не какая нибудь таинственная, кабалистическая, или религiозно–изувѣрная цѣль? Ни корысть, ни злоба, ни другiя страсти и побужденiя не могутъ объяснить этого, ни коимъ образомъ. Тутъ не одно убiйство, а преднамѣренное мученическое истязанiе невиннаго младенца и слѣдовательно, или наслажденiе этими муками, или особенная цѣль, съ ними соединенная. Христiане–Католики праздновали воспоминанiя распятiя Iисуса Христа въ лицахъ, предавая поруганiю Iуду; въ Россiи былъ толкъ раскольниковъ, называемыхъ дѣтогубцами — они убивали незаконнорожденныхъ дѣтей, сушили и обращали въ порошокъ вынутое изъ нихъ сердце и употребляли его на чары, для

привлеченія къ себѣ послѣдователей; Мусульмане Закавказскіе, Сунниты, празднуютъ подобнымъ образомъ память своего пророка, ругаясь торжественно надъ противникомъ, его Аліемъ, для чего нанимаютъ за деньги человѣка; Жиды дѣлаютъ тоже, если только могутъ, въ праздникъ Амана и Пейсаха; это извѣстно не только исторически, со временъ Императора Ѳеодосія, — но извѣстно всякому, кто живалъ между Жидами. Такъ, напримѣръ, жители Харькова помнятъ еще водовоза, который исчезалъ ежегодно на три дня во время Страстной недѣли и внезапно оставлялъ тѣхъ, кому служилъ, безъ воды. Онъ постоянно нанимался въ это время у Жидовъ представлять Спасителя и дозволялъ, за хорошую плату, связать себѣ руки, бить по щекамъ только не больно, какъ увѣрялъ онъ, оплевывать, кричать, бранить и ругаться надъ собою сколько угодно. Его содержали въ это время въ школѣ и кормили хорошо. Можно ли затѣмъ сомнѣваться, что изступленные, фанатическіе Евреи готовы были бы сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе, и доиграть

комедію эту до конца, еслибъ это не было опасно? А коли еще къ этому присоединится какое–то кабалистическое, чародѣйное употребленіе крови Христіанской, то неужели соединеніе той и другой цѣли и основанное на семъ изувѣрство можетъ казаться столько невѣроятнымъ, чтобы скорѣе обвинить и наказать Христіанъ–уличителей, чѣмъ уличенныхъ ими Жидовъ? Откудажъ эти одинаковымъ образомъ и умышленно искаженные трупы невинныхъ ребятъ? Почему находятъ ихъ тамъ только, гдѣ есть Жиды? Почему это всегда дѣти Христіанъ? И наконецъ почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около самой Пасхи? Изъ этой путаницы неоспоримыхъ событій, изъ этого лабиринта нѣтъ исхода, если мы не пойдемъ единственнымъ путемъ, который указываетъ намъ непрерывная нить фактовъ, сопровождающая каждый подобный случай. Составитель записки сей лично зналъ въ Западныхъ губерніяхъ нашихъ ученаго и образованнаго врача, Еврея, который въ откровенномъ

разговорѣ, глазъ на глазъ, объ этомъ предметѣ самъ сознавался, что обвиненіе это безъ сомнѣнія основательно, что есть Жиды, которые въ изувѣрствѣ своемъ посягаютъ на такое возмутительное злодѣйство, но утверждалъ только, что это не есть обрядъ собственно Еврейскій, а вымыселъ выродковъ человѣчества. Въ С. Петербургѣ служитъ и теперь еще крещеный, ученый Еврей, который съ полнымъ убѣжденіемъ подтверждаетъ существованіе этого обряда — не въ видѣ общемъ, какъ онъ выражается, а въ видѣ исключенія — но онъ въ тоже время отказывается засвидѣтельствовать это гдѣ нибудь гласнымъ образомъ, потому что конечно не въ состояніи доказать справедливости словъ своихъ и даже боится мщенія богатыхъ Евреевъ, коихъ происки достигаютъ далеко и которые сочли бы подобное обвиненіе общимъ поруганіемъ Израильскаго народа и личнымъ для себя оскорбленіемъ.

Есть ли въ этомъ смыслъ, полагать, что подобныя злодѣйства совершаются Христіанами для оклеветанія Жидовъ?

Положимъ, что найдутся Христіане, готовые, изъ ненависти къ Жидамъ, на такое, болѣе чѣмъ звѣрское, дѣло; хотя въ наше время, когда давно уже миновала пора крестовыхъ походовъ, и это допустить трудно; но для чего же эти люди избираютъ такое опасное, невѣрное, даже безсмысленное мщеніе, которое какъ мы видѣли, каждый разъ почти обращается на нихъ же самихъ, между тѣмъ какъ Жиды остаются правы? Одного подобнаго урока было бы довольно. Кажется такое предположеніе слишкомъ безсвязно; прямѣе, естественнѣе, проще и вѣрнѣе было бы такому ревнителю мстить непосредственно Жиду или Жидамъ, убивъ, вмѣсто невиннаго Христіанскаго младенца, любаго Еврея, или даже нѣсколькихъ.

Намъ просвѣщенный, человѣколюбивый вѣкъ, славящійся терпимостію, изгнавшій пытку, костеръ и всякое преслѣдованіе за вѣру — вооружился также невѣріемъ противу подобнаго, страшнаго обвиненія Жидовъ, и съ негодованіемъ отвергаетъ всякую возможность такого изувѣрства. Оно было бы слишкомъ постыдно для

цѣлаго человѣчества и вѣрить ему унизительно, какъ въ бабьи сказки, предразсудки и суевѣрія. Жиды были гонимы — пора признать ихъ братьями, равными намъ; обвиненіе это есть остатокъ старинныхъ предразсудковъ и нападковъ. Такія разсужденія, дѣлая честь нашему человѣколюбію, доказываютъ только, что и самое благое направленіе имѣетъ свою слабую сторону; соболѣзнуя истинно жалкому положенію народа Израильскаго, мы увлекаемся, дѣлаемся пристрастны и вовсе забываемъ, отдаемъ на жертву единовѣрцевъ своихъ, потворствуя безсознательно какому–то чудовищному исчадію фанатизма.

Но Евреи много разъ обвинялись въ этомъ злодѣяніи несправедливо, какъ недавно еще былъ случай въ Силезіи, гдѣ мальчикъ отысканъ живымъ! Это правда; и подобный случай всегда бывалъ величайшимъ торжествомъ для Евреевъ, которые съ шумомъ и крикомъ разглашали его повсюду и прикрывались имъ долго еще впослѣдствіи. Но что же это доказываетъ? сколько разъ люди обвинялись

несправедливымъ образомъ въ воровствѣ или убійствѣ — развѣ изъ этого можно заключать, что воровства и убійства на свѣтѣ нѣтъ и что всегда тотъ виноватъ, кто пожалуется, что его обокрали? Если у Казанскаго крестьянина пропадетъ лошадь, то первое слово его бываетъ: Татары съѣли. Коли онъ найдетъ ее впослѣдствіи въ лѣсу или болотѣ — то обвиненіе его въ этомъ случаѣ было несправедливо; оно однакоже ни сколько не ослабляетъ общеизвѣстной истины, что Татары крадутъ и ѣдятъ лошадей.

Но Евреи въ Англіи, Франціи, Германіи, образованные, ученые —частію даже государственные люди и во всякомъ случаѣ добросовѣстные, честные граждане, не ужели они бы не обнаружили столь возмутительнаго обычая или таинства вѣры своей, особенно тѣ изъ нихъ, которые приняли Св. Крещеніе?

Это возраженіе приводитъ къ окончательному заключенію, къ концу и цѣли настоящаго розысканія. Въ началѣ сей записки было показано, что многіе обратившіеся Евреи дѣйствительно сдѣлали

то, чего по справедливости можно было отъ нихъ ожидать; таковы напримѣръ бывшій Раввинъ, монахъ. Неофитъ, бывшій Раввинъ Серафиновичъ, Паздзерскій, Кіарини, Пикульскій, Савицкій, Грудинскій и другіе, о коихъ говорено выше. Тоже утверждали гласно анти–талмудисты, въ преніи съ Раввинами въ Львовѣ, въ 1759 году. Но число такихъ обличителей конечно не велико, въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ и на это есть причины: изувѣрный обрядъ этотъ не только не принадлежитъ всѣмъ вообще Евреямъ, но даже, безъ всякаго сомнѣнія, весьма не многимъ извѣстенъ. Онъ существуетъ только въ сектѣ Хасидовъ или Хасидымъ — какъ это объяснено выше — сектѣ самой упорной, фанатической, признающей одинъ только Талмудъ и Раввинскія книги и отрекшейся, такъ сказать, отъ Ветхаго Завѣта; но и тутъ составляетъ онъ большую тайну, можетъ быть не всѣмъ имъ извѣстенъ и по–крайней–мѣрѣ конечно не всѣми Хасидами и не всегда исполняется: не подлежитъ однакоже никакому сомнѣнію, что онъ никогда не исчезалъ вовсе, со времени

разпространенія Христіанства, и что понынѣ появляются отъ времени до времени между Жидами фанатики и кабалистическіе знахари, которые, съ этою двоякою цѣлію, посягаютъ на мученическое убіеніе Христіанскаго младенца и употребляютъ кровь его съ мистически–религіозною и мнимо–волшебною цѣлію. Польша и Западныя губерніи наши, служащія со временъ среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго Жидовства, представляютъ и понынѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изувѣрства особенно губернія Витебская, гдѣ секта Хасидовъ значительно распространилась.

СОДЕРЖАНІЕ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ

СОДЕРЖАНІЕ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ